

Каринэ Карамян

НА
ОСТРОВАХ
ПАМЯТИ

8(47.925)

W122

2400

K-21

Каринэ Карамян

Հ. Զոհանդեանի ֆոնդ

На островах памяти

Ереван 2003

14554

Каринэ Карамян

На островах памяти

Автор с любовью перелистывает страницы жизненного пути своего деда, Зармайра Карповича Казаряна и бабушки, Паулины Иогановны Лангенштайн.

Книга написана на русском языке, так как предназначена, в первую очередь, прямым и косвенным потомкам Казарянов и Лангенштайнов, проживающим ныне в Армении, России, Грузии, Германии, США, Канаде, на Украине.

Книга содержит познавательные сведения о немецких колониях в Закавказье и о развитии сыроделия в этом регионе, поэтому может быть интересна всем, кто интересуется этими вопросами.

Книга снабжена генеалогическими древами и семейными фотографиями.

Автор настоятельно просит всех родственников, имеющих дополнительные сведения о семье и документы, присылать их по адресу:

375009 Ереван
ул. Таманяна 3 кв.5
Карамян К.Г.
Тел. (3741) 56-82-37
e-mail: karakara@freenet.am

75 страниц
49 фотографий

Ереван 2003

Пока живы бабушки

Почему так популярны сериалы? Да потому, что это — истории семей. И истории любви. Вы скажете, что сериалы популярны только среди бабушек. Действительно, представители среднего поколения слишком заняты, чтобы день за днем вникать в монотонный, хотя и лихо закрученный по законам жанра сюжет о повседневной жизни какой-то бразильской семьи. Сериалы чем-то сродни бабушкиным рассказам — повторяющимся, порой надоедливым. Мы отмахиваемся от них. Мы годами не заглядываем в семейный альбом. У нас не тот темп жизни. И часто бабушкиными слушателями остаются внуки, пока они еще не слишком заняты. Семейные предания вспоминают, как это ни прискорбно, чаще всего на панихидах, в те дни, когда вдруг, ненадолго остановившись и притихнув, мы задумываемся о том, кто мы и что мы делаем на этой земле.

Да что там бабушки! Молодежь считает безнадежно устаревшими и нас, родителей. Недавно в моем присутствии молодой человек со смехом рассказывал о том, как мать позвала его к телефону со словами.

— Тебя там спрашивают на английском.

— А как ты поняла, если это на английском?

Я вспоминаю себя в 20 лет. Когда в гости приходили мальчики, мама садилась с нами за стол и участвовала в беседе. Мне было очень неловко от этого и оттого, что мама может сказать что-то несовременное.

Но время идет, и мы сами становимся бабушками и дедушками. И начинаем чаще заглядывать в семейный альбом и примерять свою жизнь к жанру сериала.

Поводом к написанию этих записок послужило предложение написать историю семьи от Гагика Арзуманяна, армянского общественного деятеля из Москвы, который задумал персонифицировать историю своей семьи.

фицировать жертвы геноцида, описать трагедию каждой семьи и создать армянский сайт такого содержания в сети Интернет. Хроника семьи была написана на одном дыхании, благо у меня сохранились записи бабушкиных рассказов. Это стало первой, эмоциональной версией. Затем начались хождения по библиотекам и архивам, встречи с людьми, уточнения деталей.

Я адресую эту книжку, в первую очередь, правнукам Зармайра и Паулины и их детям. И завещаю им когда-нибудь написать о своих бабушках и дедушках. Честно говоря, я хочу обратиться не только к ним. Мне кажется, что каждый должен когда-нибудь совершить это путешествие от ветвей к стволу и корням. Если потратить на это время и силы, ваша «семейная хроника» может стать интереснее романа, оплодотворенного фантазией художника, потому что правда жизни — самый интересный сюжет.

Давайте порассуждаем, почему многие из нас, потеряв старших и оплавав потерю, начинают рисовать семейные древа, спрашивать и выяснять подробности жизненных перепетий ушедших? Быть может, это — цивилизованное проявление древнейшего культа предков. Или попытка осмысления себя, как носителя определенного генетического кода. Или надежда на диалог с теми, кто уже вам не ответит. А не желание ли это похвалиться своими корнями и получить практическую выгоду? Возможна и такая мотивация.

Несомненно, в XXI веке станут обычными такие знания, которые сейчас кажутся невероятными. Что, если общее информационное пространство, окружающее Землю, протяженнее и сложнее, чем мы считаем сейчас? Быть может, посылая своеобразное сообщение предкам, мы надеемся на обратную связь?

Многие из пожилых людей сами начинают писать мемуары. Описывают исторические события, в которые были вовлечены. И это очень важно, так как даже самые недавние события, участниками которых мы все с вами были, искажаются буквально на глазах и не обязательно будут адекватно оценены нашими детьми. Мемуаристы часто описывают людей известных, то есть, скажем прямо, людей, значимость которых признавала нынешняя или предшествующая власти. А как же

с обычными людьми, с теми, у кого нет громких титулов и званий? Неужели они не столь же ценны перед Богом? Разве не жаль, что история вашей семьи забудется, что ваши страсти и надежды умрут вместе с вами? Разве целая жизнь не заслуживает быть запечатленной в нескольких килобайтах информации?

Пишите! Современная техника, компьютерные технологии позволяют издавать недорогие малотиражные книги. Старые пожелтевшие фотографии и письма можно расцветить новыми красками. Но главное, спешите спрашивать и записывать! Пока живы бабушки.

Ամեն մի հայ աստղ է փոքրիկ,
Հուսավոր լույս երկինքներում,
Ամեն մի հայ հեռու-մոտիկ
Կորած մեկին է որոնում:
Ամեն մի հայ ճամփորդ է լուռ
Իր ծննդյան հայ օրվանից,
Ամեն մի հայ ունի մի դուռ,
Վրան մի պաշտ՝ բերված Վանից:
Կողովներով հույսեր ունի՝
Բերված Սասուն, Ալաշկերտից
Կողովներով արև ունի,
Ամեն մի հայ՝ աշնան արտից:

Ամեն մի հայ իր տունն ունի
Այս աշխարհի շորս կողմերում,
Ամեն մի հայ իր գիրքն ունի
Գրված գողթան հեռուններում:
Ամեն մի հայ թութակ է ծեր,
Մի բան է նա սերտել միայն
Ծննդյան հայ օրվանից դեռ
Մի բան գիտե. Մայր Հայաստան
Ամեն մի ծեր թութակ կանքում
Իր ոսկեգոծ օղակն ունի,
Հայի օղակն աստղ է անքուն,
Որ շողում է ու մահ չունի:

Հովիկ Հովելյան

Мой дед Зармайр

Моя мать — Седа Зармайровна Казарян (1918—1996) — была дочерью Зармайра Карповича Казаряна (1882—1947) и Паулины Иогановны Лангенштайн (1896—1983).

Мой дед Зармайр был родом из Карса. С фотопортретов на нас смотрит изящный, худощавый мужчина среднего роста, с орлиным носом, густыми бровями и усами и выразительными глазами. По рассказам деда, его дед Варос был богатырем и заказывал себе калоши в Алексанрополе (Гюмри), так как в Карсе обуви такого размера не шили. Моя мать была довольно крупной женщиной с соответственно большой ступней, и отец утешал ее, говоря, что она пошла в деда Вароса.

О семье моего деда известно немного. Отец, Карапет Казарян, умер, когда мальчику было 6 лет. Мать, Софья, была из богатой семьи Дзитохцян*). После смерти отца Зармайра взял на воспитание дядя — Константин Казарян, который жил в Дербенте и был директором реального училища. А мать с младшими детьми, Шушаник и Цолаком, переехала из Карса в Александрополь к своей родне. Софья и Шушаник погибли от холеры примерно в 1910 г., буквально, в один день. Дочь зара-

*) Например, реальное училище г.Карс располагалось в «...прекрасном здании Дзитохцянов.» (Ալեքսանդրական, էջ 30)

зилась, ухаживая за больной матерью, и была переведена в другую больницу. Увидев из окна похоронную процессию и узнав в покойнице мать, она скончалась на месте в возрасте 17 лет.

Брат моего деда, Цолак, был инженером-строителем. Закончил Петербургский политехнический институт. В Первую мировую войну воевал на Украине и был ранен в приграничном городе Каменец-Подольский. С поля боя его подобрала и выходила местная семья, а вылечившись, он женился на одной из дочерей. После женитьбы он приезжал к брату и познакомился с моей бабушкой, но во время Второй мировой войны его семья оказалась на оккупированной немцами территории, и за это, очевидно, подверглась репрессиям. Об этом свидетельствует тот факт, что когда мой дядя Левон Казарян, будучи в докторантуре в Москве (1950 — 52 гг.), пытался встретиться с живущей там одной из трех дочерей Цолака, ему настоятельно рекомендовали не делать этого. После смерти Сталина общение стало возможным, и Цолак в 1956 г. снова приезжает в Степанаван повидаться с семьей брата. Не зная адреса, он напрямик направился на сырзавод, где раньше работал дед. Моего деда тогда уже не было в живых, но по сходству с ним Цолака сразу узнали и сотрудники, и мои тети, никогда прежде его не видевшие. Он погостил в Степанаване и в Ереване у моих родителей, много фотографировался. А в 1977 г. в первый и единственный раз Армении посетила его дочь Сусанна. К сожалению, наши дальнейшие связи с семьей Цолака на этом оборвались.

Но вернемся в 1888 год. После смерти отца дядя везет осиротевшего племянника через все Закавказье к побережью Каспийского моря в город Дербент. Сначала на поезде, потом в экипаже. Маленький Зармайр впервые увидел железную дорогу, паровоз, а потом и лес. Увидев огромные ореховые деревья, над которыми вились птицы, он в недоумении спросил дядю: «Հորեղբա՛յր, ւա՛ ի՞նչ է»: «Ծառ է»: «Ինչի՞՞ ծառ է»: «Համա՛ր շուրժ ծառ է», - пошутил дядя.

Жена дяди, богатая и культурная женщина, пришла в семью с приданым — усадьбой с садом. Встретила она мальчика очень приветливо. Надо сказать, что маленький Зармайр был

красавчиком. Его длинные ресницы загибались, как у девочки. Как-то, устав от постоянных похвал своей красоте и в надежде выглядеть мужественнее, мальчик подрезал ресницы ножницами. В результате ресницы выросли еще более длинными, но зато уже не загибались.

В семье дяди было трое детей: две девочки и мальчик. Все дети играли на музыкальных инструментах — скрипке, фортепьяно, а Зармайра отдали учиться игре на флейте. Однажды он попросил дядю купить ему скрипку, но получил отказ, так как скрипка стоила дорого. Этот отказ запомнился дедушке на всю жизнь, больше, чем любовь и внимание в доме, где он прожил более 10 лет.

Учился он сперва в начальной школе, потом в гимназии. В личном листке по учету кадров, датированным 1935 г., в графе "образование" написано: «Классическая гимназия, годы обучения: 1892 — 1900 гг». О начальной школе дед вспоминал, что всего за 2 рубля в год учеников кормили завтраком: белой булкой со стаканом молока или булкой с кистью винограда, которые чередовались через день. В Дербенте у дяди было 2 сада: перед домом и дальний. Под Новый год они ходили в дальний сад собирать виноград, который висел в мешочках. Зимы были очень теплыми. Еще дед помнил апельсины с красной сердцевиной, которые почему-то называли «королевками».

Дядя был социал-демократом. К какой партии он принадлежал, доподлинно неизвестно, но, по его рассказам, на сходках в доме бывал Степанос Назарян, редактор «Юсисапайла». Кумиром дяди и его друзей был поэт Микаэл Налбандян. Быть приверженцем передовых идей в то время означало быть атеистом. Однажды, увидев, что племянник молится перед сном, дядя сказал ему, что Бога нет и молиться не надо.

Окончив гимназию, Зармайр решил начать самостоятельную жизнь. Дядя отговаривал его, обещал послать учиться за границу, но он слишком любил независимость и уехал в Тифлис. Там он увидел объявление: «Набор учеников в мастера и подмастерья сыродельной компании "Абовян и Мелик-Бахтамян"». В приемной ему объявили: «Один год ты должен работать бесплатно, чтоб выучиться, а второй год — работать бесплатно, чтоб оплатить учебу». Едой, одеждой и жильем обеспечивали. Зармайр согласился.

О жизни деда в ученичестве в семье рассказывалось несколько историй. Как-то он ехал верхом по своим делам и увидел крестьянина, который плакал рядом со сдохшим ослом. На расспросы крестьянин ответил, что осел этот был его кормильцем и теперь ему может помочь только новый осел. Осел стоил 5 рублей. У Зармайра не было таких денег, поэтому он вернулся на завод, собрал у соучеников у кого по 5, у кого по 20 копеек и купил крестьянину нового осла. Добротой и честностью Зармайр завоевал расположение многих соучеников. Уже тогда ему приходилось по поручению хозяина инспектировать сыродельные заводы на местах. Один из друзей в провинции всегда просил его привезти из Тифлиса фунт изюма: для смазки усов.

Из характеристики, датированной 1923 г. и подписанной С.И.Абовяном, мы узнаем: «...նա 1901 թ. ապրիլի 12-ից մտել է ինձ մոտ կաթնատնտեսական գործարան սովորելու կաթնատնտեսական գործը և մնացել է աշխատանքում մինչև 1905 թ. նոյեմբերի 26-ը:

Այս ժամանակաշրջանում ձեռք է բերել որոշ տեսական և լայն չափով գործնական պատրաստություն... 1905 թ. ապրիլից սկսած աշխատել է որպես մասնագետ կաթնատնտեսական ասպարեզում... Ծանաչվում է որպես լավագույն վարպետ Չվիգարական, Եմենթալ պանրի ֆաբրիկացիայում...»

Здесь необходимо дать некоторые комментарии. Первые частные сыродельные артели появились на Кавказе во второй половине XIX века, а точнее, в 1863 — 64 гг. В 1900 г. 23 завода вырабатывало примерно 320 т, а в 1909 г. уже 73 завода производило 1250 т сыра, преимущественно швейцарского. (Карагулян, стр.13)

Нет никакого сомнения в том, что появление заводов и производство швейцарского сыра связано с появлением на Кавказе немецких колонистов. И дело не только в том, что среди них могли быть люди, знакомые с технологией производства. Вышеприведенная справка свидетельствует, что искусные технологи были и из местных. Дело в том, что народы, населяющие Кавказ, хотя и не мыслили себе трапезу без сыра, вполне удовлетворялись продуктами традиционных технологий, а именно, сыром из коровьего или овечьего молока, сброженного ферментом телячьего желудка, спрессованного в бурдюке или в кувшине там же на пастбище. Разнообразие до-

стигалось разной сортностью молока, добавлением пряных трав, разными способами хранения: закапыванием в землю, выдерживанием в рассоле и прочее, прочее. А между тем, бурые кавказские коровы щипали травку с превосходных природных пастбищ, богатство разнотравья которых сразу оценили европейские фабриканты, готовые вкладывать деньги в любое предприятие в регионе: хоть в медь, хоть в нефть, хоть в сыр.

Но увы, несмотря на альпийские луга, качество молока у бурой кавказской коровы все-таки не тянуло на швейцарский сыр. Надо сказать, что качеству молока при производстве швейцарского сыра придается первостепенное значение. Чтоб получить продукт «... с тонким ароматом, характерной остротой и слегка ореховым пряным привкусом» (Мартиросян, стр. 2), его традиционно вырабатывают только в летний период, когда травы особенно душисты. И тут оказались очень кстати немецкие колонисты, которые (случайно ли?) поселились как раз в тех районах, где были прекрасные пастбища, и разводили коров австрийской породы «швиц», привезенных из Германии. Неплохим оказалось молоко и у коров, полученных при скрещивании «швица» с местной породой. Существовало еще одно обстоятельство, из-за которого заводчики предпочитали скупать молоко у немцев или молочан: некоторые армяне, грузины и другие «предприимчивые» жители Кавказа нет-нет да и добавляли к коровьему молоку овечье, и тогда вся работа шла насмарку. Производство швейцарского сыра требовало определенных капиталовложений, так как помещение завода должно было состоять из, по крайней мере, четырех цехов: для котла, где сбраживался сыр и где мог находиться пресс, соляного бассейна, теплого и холодного подвалов. Первые заводы были построены в местах традиционного проживания немецких и русских колонистов. До сих пор важнейшим в Грузии центром сыроварения считается Цалка — бывшая немецкая колония Александерсхильф, местность, в которой, согласно БСЭ, лучшие в Грузии природные сенокосы и пастбища.

До 1914 г. сыроделие было развито в Карской области, Александропольском, Лорийском, Ахалкалакском, Касахском уездах. А по данным Л. Зарафьяна (см. Карагулян, стр. 15), в 1912 г.

только на Тифлисский рынок поступило 1175 т сыра, из коих 680 т — из районов нынешней Армении. Разумеется, в зимний период и между делом, кроме швейцарского, на заводах производили и традиционные рассольные сыры.

Что касается перечисленных в вышеприведенной справке сортов «швейцарский, эмментальский», то я не склонна считать, что это опуска. Обычно пишут «швейцарский (эмментальский)», так как это одно и то же. В шуточной швейцарской песне, которую напевала моя бабушка, технология его получения описывалась красочно из первых уст, то есть от эмментальских пастухов.

Emmentalen Jockali,	Эмментальские пастушки,
Wie machen Sie de Käse*?	Как вы гелаете сыр?
Wir mischali to fitali,	Мы размешиваем и сбраживаем
Und stampfali Tofitali.	И штампуем загницами.
So machen wir de Käse!	Вот как мы гелаем сыр!

Вернемся, однако, к серьезному разговору. Кроме большого (70-100 кг) сыра круглой формы со сроком выдержки до шести месяцев, стало выгодно производить сыр меньшего (35-40 кг) веса прямоугольной формы, который удобно было разрезать, со сроком выдержки до трех месяцев. Вкус у него был похуже, но имелись преимущества. ГОСТ на такой блочный эмментальский сыр был утвержден только в 1976 г. (Мартиросян, стр.20), но рассказы очевидцев не оставляют сомнений в том, что по крайней мере за 70 лет до этого мой дед считался лучшим технологом и этого сорта.

Когда Мелик-Бахтамян заметил, что Зармайр — способный парень, он в первый же год решил выплачивать ему зарплату — 30 туманов в месяц, что было по тем временам очень большой суммой. Перед молодым человеком открывались блестящие перспективы: Мелик-Бахтамян, будучи меценатом и патриотом, собирался отправить способного парня на учебу в Швейцарию.

*)de Käse [teches] — сыр (на диалекте).

Но все радужные планы пошли прахом, потому что именно в это время судьба свела молодого Зармайра с Сирануш. На жизненном пути моего деда встречалось много замечательных людей, но эти две личности (Мелик-Бахтамян и Сирануш) оказали такое влияние на его дальнейшую жизнь, что это заслуживает отдельного рассказа.

Абовян и Мелик-Бахтамян

Яков Багдасарович Мелик-Бахтамян был крупным мужчиной, высоким и полным. Владел тремя сыродельными заводами, один из которых находился в Елизаветтае (ныне Тетри-Цкаро, Грузия), где управляющим был мой дед Зармайр и где жили Лангенштайны.

История Якова Багдасаровича такова. Он был сыном тифлисской прачки и влюбился в княжну, у которой служила его мать. В княжну был влюблен и его друг и одноклассник Сергей (Саркис) Исаевич Абовян. Княжна, затрудняясь в выборе, отравила обоих, как в сказке, учиться за границу за свой счет и сказала, что выйдет за того, кто вернется первым. Абовян учился в Германии и Голландии сельскому хозяйству, а Мелик-Бахтамян — во Франции сыроварению. Мелик-Бахтамян вернулся первым, и княжна Нина Ивановна вышла за него. Это была очень красивая женщина, образованная и свободолюбивая. В те времена она каталась на велосипеде. Вскоре вернулся и Абовян. Он стал другом семьи, кумом, компаньоном в бизнесе, ел-пил и проводил все свободное время в семье друга. Потом кто-то пустил слух, что Мелик-Бахтамян живет с гувернанткой, и жена, в отместку, начала изменять ему с Абовяном. Мелик-Бахтамян был очень нравственным человеком до конца жизни. Узнав об измене друга и жены, он рассвирепел. Абовян решил срочно выехать из Тифлиса, но, боясь расправы, прихватил с собой на вокзал брата Аристакеца, который был священником в Джалал-Оглы (ныне Степанаван). Достигнув беглецов на вокзале, Мелик-Бахтамян достал наган и собрался было стрелять, но пожилой священник встал перед ним на колени и умолил отпустить брата. Так им удалось спастись. Мелик-Бахтамян после этого случая разошелся с же-

ной, и та ушла к Абовяну. Но вскоре Абовян тоже бросил ее, женившись впоследствии на своей кузине.

После разрыва с компаньоном Абовян служил директором женской школы в Тбилиси, а после установления советской власти вступил в партию, переехал в Ереван и занимал высокие посты в наркоматах. Заведовал кафедрой сельского хозяйства в Ереванском университете, после расформирования которого возглавил вновь созданный Сельскохозяйственный институт. Его имя широко цитируется в соответствующей литературе. Абовян продолжал заниматься сыроделием, его называют основателем производства европейских сыров в Закавказье (Սովետական Հանրապետության Հանրապետության) В 1929 г. он издал книгу о технологии производства тушинского сыра. (Ինչպես պիտի կարճարտե՞ն ու կոլտնտեսությունն «թուշի» պանիր պատրաստի, 1929).

К сожалению, в тех же энциклопедиях имя Мелик-Бахтамяна не упоминается.

Княжна Нина Ивановна умерла в Москве у своего сына Рубена, слепая, униженная и всеми покинутая. Кроме этого сына, от Мелик-Бахтамяна у нее были 2 дочери еще один сын. Дочерей звали Эсма и Китти. Сына убили в Дилижане в 1918 г. при туманных обстоятельствах: ходили слухи, что тот был разведчиком. От Абовяна детей у нее не было. Мелик-Бахтамян всегда поддерживал детей деньгами. Как-то, будучи по делам в Киеве, он привез оттуда молоденькую польку, Марию Лаврентьевну, от которой родились две дочери, Седа и Ира, будущая подруга моей матери, и сын Зарчик.

Впоследствии, в довоенные годы, когда мои дед и бабушка жили в Степанаване, Мелик-Бахтамяны всегда приезжали к ним летом на дачу, а Казаряны зимой ездили в гости в Тифлис. Мелик-Бахтамян был очень внимательным, всегда привозил подарки: бабушке материал на платье, маме — игрушки. Ему очень нравилось у бабушки, он записывал все ее рецепты. А готовила бабушка сосиски, окорок, ливерную колбасу (из свиной печенки), кровяную колбасу, саддисон и многие другие мясные закуски. Мелик-Бахтамян подарил ей книгу «Технология молочных продуктов и колбасных изделий», в которой были замечательные иллюстрации, прикрытые папиросной бумагой. Моей маме запомнился эпизод одного из ви-

зитов в Тифлис. В доме Мелик-Бахтамяна она чувствовала себя настолько свободно, что в тот день завела граммофон и поставила пластинку, выбранную наугад из ящика. Мелодия ей очень понравилась, и она даже увеличила громкость. Когда взволнованные взрослые влетели в комнату, из открытых окон квартиры на центральные улицы Тифлиса разливалась «Песня итальянской девушки»:

Մեր հայրենիք, թշվառ, անտեր.....*

Слава Богу, обошлось, и никого не забрали. Было начало тридцатых, а лет через пять такой концерт точно стоил бы кому-нибудь жизни.

Ира Мелик-Бахтамян была очень веселого нрава, летом в Степанаване собирала кучу знакомых и поклонников, ходила с ними в лес и в поле. Отец относился к дочери очень строго, а мать — сквозь пальцы. Брат ее Зарчик был очень красивым, умным юношей, подавал большие надежды, но примерно в 1936-м г. погиб при восхождении на Арагац, куда отправился с двумя товарищами. Все вернулись с обмороженными ногами. Двое погибли, а третьему ампутировали ноги. Седа умерла от тифа. Китти же дожила до старости. У нее был очень красивый светловолосый сын по имени Артик. Когда началась война, Артик учился в медицинском институте и был призван на фронт. А мать была так привязана к сыну, что за время службы трижды приезжала к нему на передовую. Затем Артика ранили. Его поместили в госпиталь, где в него влюбилась сестра милосердия, русская девушка, которая вскоре забеременела. В это время Китти выхлопотала для сына отпуск и забрала домой долечиваться. В армию он больше не вернулся — война закончилась. Когда же он объявил матери, что собирается жениться на русской, мать запротестовала. Начала перехватывать письма, устраивала сцены, грозила, что повесится, если сын женится. И Артик сдался. А когда сестра милосердия родила и узнала, что отец ребенка жениться не собирается, то прислала письмо, в котором прокляла его. И проклятие вскоре сбылось. Однажды Артик совершенно здоровым

*) «наша Родина, несчастная, заброшенная...». Начальные строки из стихотворения М. Налбандяна, ставшего гимном независимой Армении.

вышел из дома, пошел на футбол, там почувствовал сильную головную боль и умер по дороге домой. При вскрытии оказалось, что в голове у него была опухоль — следствие детской травмы.

Сирануш

У священника из Джалал-Оглы (ныне Степанаван) Ариста-кеса Исаевича Абовяна были 2 дочери: старшая — Сирануш и младшая — Айкануш. Как только начинало смеркаться, отец выходил на крыльцо и, перебирая четки, тихо звал дочек домой. Режим был строгим. Священник этот был родным братом Сергея Исаевича Абовяна.

Шел 1906-й год. Как-то мой дед, будучи в командировке в Джалал-Оглы на сырзаводе Джилавянов, зашел в дом священника передать письмо от своего тифлисского патрона. Так он встретился с Сирануш, красивой дочерью священника. Деду было тогда лет восемнадцать. На фотографии тех лет — романтический герой: гордый взгляд, усы, волнистая шевелюра.

Сирануш к тому времени уже пожила в столице (Тифлисе), закончила там курсы кройки и шитья и была окружена толпой поклонников. Дразня молодых людей, она часто ставила им невыполнимые условия своего расположения, типа: полюблю того, кто принесет мне фиалки в феврале. Климат в Степанаване суровый, и для того, чтобы найти фиалки в феврале, надо было быть очень влюбленным. Дед был влюблен, настойчив и справился со всеми заданиями. Дело кончилось тем, что гордячка вскоре у всех на виду надевает ему на шею золотую цепь и объявляет своим женихом. Перспектива иметь зятем совсем молодого человека без положения не устраивала богатых родственников невесты, и они стали принимать срочные меры. Сначала идеологические. Дело в том, что известный революционер Степан Шаумян был женат на сестре попады. (Так что Степанаван был назван так в честь не уроженца, а мужа уроженки этих мест.) Степан Шаумян написал деду письмо, которое и ныне хранится в Степанаванском музее С. Шаумяна. В этом письме С. Шаумян призывал деда заняться революционной деятельностью и отказаться от любимой. Но та-

кая перспектива деда не устраивала. Два года продолжалась борьба молодых с родней. В конце концов у дома невесты был выставлен патруль, чтоб не пропускать Зармайра. И тут на арену выходит пистолет. Дед, каким его знали его дочери, был очень миролюбивым человеком. Когда бабушка закалывала кабанчика, он предпочитал не присутствовать. Вряд ли он серьезно собирался пустить оружие в дело, но патруль в испуге разбежался. Тогда дед посадил возлюбленную в экипаж и повез в соседнюю деревню Леджан, где их обвенчал тамошний священник. Потом они уехали в Тифлис. Мелик-Бахтамян дал деду квартиру, а через год назначил своим управляющим.

Жизнь с Сирануш оказалась не такой уж сладкой. Ревнивая и своенравная, она не выносила постоянных разъездов деда, притворяясь больной, все время лежала в постели. Ревнуя, она хотела сопровождать деда в его поездках и требовала, чтоб ее на кровати грузили на повозку. Дед прожил с Сирануш 7 лет и имел двоих детей: сына Левона (1908 — 1983) и дочь Елену (Лялю) (1910 — 1968). При разводе Сирануш забрала детей, но шестилетнего Леву дед с согласия тестя и тещи выкрал и воспитывал сам. Сначала он отдал Леву в школу Нерсисян в Тифлисе, где тот проучился 2 года, а потом, женившись на моей бабушке, забрал сына в семью.

Интересно, что когда дед был уже во втором браке, он навещал бывшего тестя и тещу, дружил с братом Сирануш Александром (Сашуром). Однажды он пришел провести заболевшую дочь Лялю со второй женой, моей бабушкой, и происходило это в комнате Сирануш, в ее присутствии. Наташ-тат (так звали мать Сирануш), была обязательной гостьей на всех семейных торжествах в доме моего деда, а дети общались свободно и часто. Вторая жена отправляла через детей что-нибудь вкусненькое первой жене, а первая жена рассказывала детям от второй жены, какой прекрасный человек их отец, и посылала ему конфеты, вина в разводе только себя. Она рассказывала, что узнает топот коня Зармайра, когда тот проезжает по их улице. Вставала с постели она редко, много курила и очень искусно вышивала. Учила вышивать мою маму и ее сестер, нередко дарила им вышитые или вязаные кофточки. Очень уважительно отзывалась о моей бабушке.

Сестрам моей мамы запомнилось, что в доме Сирануш был

такой культ чистоты, что там регулярно вытирали пыль с ... крыши. Ляля жила с матерью, и хотя и имела предложения, замуж не вышла, став заложницей тяжелого характера матери. Работала всю жизнь в детском саду. Лева стал ученым. Он был доктором химических наук, профессором, бессменным заведующим кафедрой органической химии ЕрПИ с 1938 г. до самой смерти. Именем Левона Казаряна названа открытая им химическая реакция.

Моя бабушка Паулина

Родилась 6 декабря 1896 г. в семье Иоганна Лангенштайна и Марии Бауер. Дед моей бабушки, Матеус Лангенштайн, приехал в Закавказье из Швабии, точнее из Вюртемберга, города на юге Германии.

Перечитывая записи о семье, сделанные по рассказам бабушки и мамы, я постоянно размышляю, во-первых, о том, что каждому поколению достается пройти несладкий жизненный путь, поэтому нельзя столько роптать на судьбу, доставшуюся нам.

И не могу не размышлять о миграции, о переселении народов. Какую армянскую семью ни возьми, предки хотя бы с одной стороны бежали, погибали в резне, ссылались. Миграцию последних десятилетий мы, ее современники, переживаем очень болезненно, потому что переселение — это разбитые семьи, тоска по дому, неспособность старшего поколения приспособиться к новой среде, это постепенное выключение из армянских реалий, забвение из-за не востребоваемости на новом месте всего своего, когда-то родного: сначала истории и культуры, затем языка и, наверное, в самом конце — национальной кухни. Страшно, когда миграция обусловлена войной, убийствами, невозможностью прокормиться на родине.

Самые мигрирующие нации последних столетий (я не говорю о таких профессиональных перемещенцах, как кочевые скотоводческие племена или цыгане) — это евреи, ирландцы, итальянцы и армяне. Народы, расселившиеся по миру именно потому, что было невозможно жить на прежнем месте. Но с другой стороны, именно люди этих наций имеют имидж гонимых,

легко приспосабливающихся конъюнктурщиков. Что это, противоречие или следствие одного из другого?

Безусловно, переселение народов можно рассматривать и в другом аспекте. Люди, заселившие, скажем, Америку и Австралию, тоже часто покидали родной дом потому, что не могли продолжать в нем жить (из-за нужды или преследования властей). Но ведь есть и тип людей — искатели приключений, предпочитающие неизвестное несомненному душевному комфорту жизни на родине. Это и миссионеры, и военные, и путешественники, и разного рода поселенцы, и студенты, учащиеся за границей, и даже послы иностранных держав. Поможет ли какое денежное вознаграждение не возместит тот дискомфорт жизни за границей, когда и у дождя не тот запах, и у еды не тот вкус, и птицы поют не так, и у прохожих светлые головки и прочее, прочее. Конечно, люди бывают разные. Иная молодая невестка так и не привыкает к жизни вне родительского гнезда.

Менее всего имидж искателей приключений подходит к такой степенной нации, как немцы. Как же их занесло так далеко от дома?

С конца XII века во многих русских городах оседали немецкие специалисты, а организованное их переселение началось в петровскую эпоху. При Екатерине II границы русской империи продвинулись далеко к югу. Для укрепления государственности и наиболее эффективного освоения южных земель она принимает решение об их колонизации. Она подписывает ряд манифестов, которые гарантируют переселенцам многочисленные привилегии. «Русские правители рано осознали целесообразность внесения в свои дикие закавказские владения привыкших к порядку деятельных элементов запада и за недостатком пригодного для этой цели материала дома приглашали и поощряли иностранных переселенцев». (Линч, стр. 126)

Что касается переселенцев начала XIX века, то с их появлением на Кавказе связана одна романтическая история. Обратимся снова к свидетельству английского путешественника А. Линча: «В начале нынешнего столетия (XIX) королевство Вюртембергское служило ареной борьбы между членами протестантского общества, происхождение которой так же любопытно, как необычны ее результаты. Дело было так: несколько по-

пулярных пасторов торжественно возвестили, что скоро наступит второе пришествие Христа. И вера этих почтенных праведников в свои пророческие силы была так велика, что они даже назначили день, когда солнце и луна должны будут померкнуть, когда звезды покачнутся, океан забушует и люди со страхом начнут умирать, пока не наступит последнее великое событие — не появится со славой в облаках Сын Человеческий. Все эти изумительные знамения и чудеса должны были открыться пораженному ужасом миру в 1836 г.». (Линч, стр. 127) *)

Люди верили в предзнаменование, потому что в пределах их маленького мирка тоже происходили странные события. Духовенство раскололось, и преобладающей партии удалось внести изменения в гимны и молитвы. Приверженцы старых форм стали гонимы и, как это часто случается, объединились и еще более укрепились в своей вере. Они решили покинуть родной город. Бежать, но куда? «Проповедники уверили их, что они найдут приют по соседству с Каспийским морем... Предназначение, гонения, отвращение к новым формам и побудило большую группу людей покинуть свои дома и родину и, не загадывая много вперед, пуститься в опасный путь к далекой стране, где они могли бы в мире и душевном спокойствии ожидать славного прихода Искупителя». (Линч, стр. 127). Следует отметить, что Линч специально не занимался историей немцев на Кавказе, он упоминает о них между прочим, но это один из самых доступных первоисточников, к тому же мы можем рассчитывать на объективность, так как автор не является немцем.

В то же время, по свидетельству председателя немецкой общины Армении А. Яскорского, немецкие авторы, например, Лазнгин, Аух, Хагин, Фоерштейн, Фрик достаточно тщательно изучили историю переселенцев из Германии на Кавказ. Ссылаясь на этих авторов, А. Яскорский указывает, что речь идет о трактовке пастором по имени Христов Клетер из Баварии частей Писания (Пророк Даниил, гл. 7, стр. 24-26 и 38, 39 гл. Езекиила) из которых он выводил и «сроки конца света», и место

*) тут и далее в цитатах сохранена орфография первоисточника.

тысячелетнего царства Христова — в окрестностях Библейской горы Арарат. Этот пастор и являлся основоположником учения «хилиастов» (от греческого слова "chilios" — «тысяча»), которое исповедовали наши переселенцы. (Яскорский, стр. 25) Термин «хилиасты» — современный, он применяется к религиозным течениям, исповедующим наступление «нового пришествия Христа и последующего тысячелетнего его царствования». Естественно, что переселенцы так себя не называли и оставались прихожанами протестантско-лютеранской церкви.

Цитируем дальше А. Линча и А. Яскорского. «1500 семей, ряды которых пополнились также искателями приключений, выехали из Вюртемберга. Две трети переселенцев погибли, не достигнув Одессы, куда затем прибыли еще 100 семей. Прибыв в Россию, они нашли покровительство императора Александра I, давшего им большие привилегии и поселившего в нескольких колониях Тифлисской и Елизаветпольской (ныне Гянджа, Азербайджан) губернии.» (Линч, стр. 128). «Первые 40 семей разведчиков отправились в путешествие в сентябре 1816 г. на маленьких судах по Дунаю, через Вену, Исмаил до немецкой колонии Грослибенталь под Одессой, где они перезимовали... 31 семья продолжила путешествие и закончила его в сентябре 1817 г. Тифлисе. В 35 км от города они основали поселение и назвали его Мариенфельд. Сообщение об успешном завершении экспедиции было передано на родину и летом 1818 г. примерно 8000 членов секты собрались в Ульме, откуда 14-ю колоннами двинулись вниз по Дунаю до Исмаила. Путешествие, однако, проходило неудачно. Из-за большой скученности на судах вспыхнула эпидемия, повлекшая большое количество смертей. Погибло 3000 человек... 500 семей продолжило путь к Тифлису... Российские власти в Тифлисе сообщили переселенцам, что двигаться дальше к Арарату было невозможно в силу чрезмерной опасности, так как районы, прилегающие к горе Арарат населены дикими, враждебно настроенными мусульманскими племенами, и ситуация в них не контролируется. Колонистам было предложено остановиться и основать поселения поблизости Тифлиса». (Яскорский, стр. 26)

Матерью царствовавшего императора Александра I была урожденная принцесса фон Вюртемберг, поэтому император благоволил к переселенцам. К тому же русская православная

церковь, нетерпимая ко всякому инакомыслию, позволяла на юге некоторый либерализм в отношении веры. На юг ссылали русских духовоборов, не запрещали деятельность различных миссионерских концессий, заезжавших на территорию России из сопредельных Персии и Турции. Французские, швейцарские, английские миссионеры, отчаявшиеся обратить в истинную веру мусульман, с жаром возобновляли свои попытки обращения в католицизм и лютеранство христианское население Кавказа. Несмотря на противодействие Армянской Апостольской Церкви, попытки эти часто увенчивались успехом. Что касается немецких поборников чистой веры, то после того, как предсказанный пастором Клетером «конец света» в 1836 г. не состоялся, его идеи вскоре потеряли свою былую привлекательность. Постепенно религиозные причины переселения именно в Закавказье были порядком подзабыты. Во всяком случае, бабушка считала себя лютеранкой, безотносительно к каким-либо сектам.

С течением времени в Закавказье образовались следующие немецкие поселения на территории нынешнего Азербайджана: Еленендорф (ныне Ханлар), Анненфельд (Шамхор), Георгсфельд, Грюнфельд, Алексеевка, Траубенфельд, Айгенфельд (Касах); на территории Грузии: Катариненфельд (затем Люксембург, ныне Болниси), Мариенфельд, Александерсдорф (Авточало), Элизабетталь (Тетри-Цкаро), Александерсхильф (Цалка), Траубенберг и Ной-Тифлис (это поселение слилось с Тбилиси) и др.

О населении этих поселений в разных источниках имеются следующие данные. Эли Смит (Missionary Researches in Armenia. London 1834, p. 195) (см. Линч, стр. 128) упоминает 2000 душ немецких колонистов на территории Закавказья в 1830 г., А. Линч приводит более подробные цифры о конце XIX века. «В Тифлисской губернии: в г. Тифлис — 1.117, в Тифлисском уезде в с. Александерсдорф — 384, Мариенфельд — 396, Петерсдорф — 195, Фриденваль — 83, Элизабетталь — 1.148; в Борчалинском уезде в с. Екатериненфельд — 1.209, Александерсхильф — 336, в др. местах — 60. Итого в Тифлисской губернии — 4.958 душ.

В Елизаветпольской губернии в с. Еленендорф — 1.457, Анненфельд — 437. Итого: 6.852 души.» (Линч, стр. 128) «В период, охватывающий Первую мировую войну, в связи с боль-

шим оттоком, число немцев в Закавказье сократилось втрое» (Яскорский, стр. 27)

Цифры — неприменимый участник всякого повествования, претендующего на историческую достоверность. Но как безлики комбинации этих десяти знаков, как скупо хранят они информацию о времени и людях! И информация эта, к сожалению, имеет свойство сжиматься тем более, чем более мы от нее отдаляемся. Иногда удается победить время, то есть развернуть информацию усилиями людей, умеющих передавать факты посредством художественного слова, звуков или изображений. Надеюсь, что настоящее повествование побудит вас напрячь воображение и увидеть на корабле, охваченном эпидемией, молодого, еще не женатого Матеуса Лангенштайна, вглядывающегося в туманные берега незнакомой земли Россия. Насколько мятежной и своенравной должна была быть душа, не пожелавшая примириться с новым веком, решившая покинуть чистенькие бело-коричневые домики родного города и пуститься в путь за миражем, за землей обетованной, где текут медовые и молочные реки, где нет зловредных пасторов, где никто не мешал бы ему трактовать Свободу и Бога так, как он это разумеет.

Прибыв в Грузию, переселенцы сочли, что они достаточно приблизились к Арарату и осели. Построили дома и церкви, завели коров, разбили виноградники. Трудолюбие их быстро дало плоды на благодатной грузинской земле, и колонии вскоре превратились в цветущий сад, став при этом объектом постоянных набегов разбойничьих мусульманских отрядов. Колонии поддерживали между собой связь и оказывали друг другу помощь, отстраивались заново и расширялись.

Есть данные о числе действующих в Закавказье немецких церквей к 1914 г. Их было девять, в семи немецких поселениях: Еленендорф, Анненфельд, Фреуденталь, Александерсдорф, Катариненфельд, Елизабетталь, Александерсхильф, а также в городах Тбилиси и Баку. (Яскорский, стр. 41). Думается, что большинство из них, возможно, сначала небольших, временных, было построено в первые же годы заселения: верующему человеку после недели трудов необходимо было в воскресенье посетить Божий дом, чтобы набраться надежды и сил на продолжающие труды.

Матеус поселился в Еленендорфе и вскоре женился на девушке, выделявшейся среди приезжих своей неженской храбростью. Рассказывали, что как-то в Бюртемберге караульным, которые ходили по ночам и сообщали время каждый час, однажды почудилось, что кто-то стучит в церкви. Крики караульных разбудили бабушку бабушки, которая одна облазила с лампой 2-х этажную церковь и объявила, что в ней никого нет. Одного из детей, родившихся от этой пары, называли Иоганн. Черноволосого и белолицего, его звали «Schwarze Iohann» (Черный Иоганн). Со временем Иоганн женился на Марии Бауер, подвижной брюнетке, дочери Готтлиба Бауера, красивого мужчины из колонии Александерсхильф.

И именно группа жителей Александерсхильфа почему-то снялась с места и в 1891 г. переехала в Карскую область, где в 5 км на юго-запад от Карса, на высоте 1630 м над уровнем моря основала дочернее поселение. Какие цели привели их через столько лет к местам столь близким к начальной цели путешествия, к «земле обетованной вблизи Библейской горы Арарат»? Во всяком случае, не ожидание «тысячелетнего рейха». Очевидно, причины были более прозаическими. Дело в том, что после победы в русско-турецкой войне в 1878 г. Россия снова получила стратегически важную Карскую область и крепость Карс и стала активно заселять ее неармянским населением. Очевидно, переселенцам обещали ссуды, какие-то льготы, и, наряду с многочисленными русскими поселениями, на этой земле было основано также одно немецкое (кроме него, немцы поселились также в соседних селениях Владикарс и Эстонка).

Эту колонию называли Петровкой по имени губернатора Карса Петра Томича. Вот как описывает эти места А. Линч, следовавший из Карса в Ван в 1893 г.:

«Мы переехали через мост и через несколько верст приехали к красивому пастбищу, которое развернулось перед нами на правом берегу... Луга, побуревшие от летней жары, простирались до обработанной подошвы ряда холмов на расстоянии девяти верст от нас, и у подножья их нам показали деревню Азат. Второе селенье, Маленькая Тикма, лежало ближе к нам в том же направлении... Мы были удивлены, услышав здесь немецкий язык и заунывные звуки концертино. Праздничные

наряды поселян и пение их напомнило нам, что сегодня воскресенье. Они рассказали, что два года назад покинули Тифлисскую колонию и переселились в эти трущобы... Почва богата и нуждается только в затратах небольшого капитала для орошения приречной долины каналами. Селенье называлось Петровка, состояло из 40 домов... Затем мы проехали еще несколько верст и въехали в русскую колонию Владикарс.» (Линч, стр. 522). Называя эти места глушью, А. Линч сильно преувеличивает. По железной дороге Карс — Александрополь — Тифлис попасть в столицу было ничуть не труднее, чем из какого-либо села на территории Грузии.

Среди переселенцев был и Иоганн Лангенштайн. Очевидно, от отца он унаследовал беспокойный характер и охоту к перемене мест, а от матери — бесстрашие. Сначала колонисты поселились у армян, а потом получили землю и начали обустриваться. Построили дома, завели хозяйство. Вместо церкви был молеальный дом, совмещенный с начальной школой. Так как постройку, содержание церкви и пастора каждая колония обеспечивала самостоятельно, то небольшие колонии часто не могли себе позволить иметь их.

Немецкое трудолюбие скоро превратило целину в богатые фермы. Уже через 10-15 лет у Иоганна был двухэтажный дом в Петровке и большое хозяйство: 50 коров, 30 лошадей, свиньи, гуси, куры. Кроме сельского хозяйства Иоганн занимался плотницким делом, изготавливал мебель и колеса для повозок. Были ученики-столяры. Хозяйство было большим, и своих рук не хватало. Приходилось нанимать батраков — русских, татар, армян. Бабушка запомнила русского работника Ивана, который не пожелал возвращаться с фронта домой и пошел на работу к немцу. Он мастерил кукол для детей и умел вышивать крестом. Работники ели за одним столом с хозяевами, вместе отмечали Рождество и Новый год.

Многое из того, что я слышала от бабушки о быте и занятиях жителей Петровки, совпадает с данными В. Фоерштейна. (W. Feurstein, S. 109), приведшего подробные сведения о ее обитателях, равно как и карту местности в своей статье. К сожалению, семью Лангенштайн он не упоминает. Ниже приводится большой отрывок из статьи в моем переводе. Курсивом выделены мои примечания.

«Из 12 семей живших в Петровке мы можем идентифицировать только девять. Это семьи Лохер, Байдингер, Торно, Котрини, Штайгер, Пфайфер, Бауер (*девичья фамилия моей прабабушки Марии*), Лампартер и Реш.

Братья Котрини были кузнецами и изготовителями карет. Карета в полном комплекте стоила тогда до 120 рублей. Фридрих Лампартер (*муж Розины, сестры прабабушки Марии*), который периодически жил в Тифлисе, торговал сельскохозяйственными орудиями.

Фриц Лохер был швейцарцем, приехал из Берна и основал сыроварню, на которой изготавливал эментальский сыр. Другой немецкий колонист осел в деревне Владикарс недалеко от Петровки и имел там сыроварню. Сыр продавали в Тифлисе.

(*Первый муж моей бабушки Фридрих Кох тоже был сыроваром, приехавшим из Швейцарии. Кроме того, А. Александрян (стр. 42) упоминает о немце Делембахе, который покупал молоко у молочковладельцев села Дубровка и варил на своем заводе огромные сыры размером с колесо телеги.*)

Филип Штайгер, Иосиф Бауер (*брат прабабушки Марии*), Иосиф Торно, Пфайфер и Реш занимались сельским хозяйством. Родственники Иосифа Бауера проживали в поселении Айгенфельд (*ныне Касах, Азербайджан*), например, Иоганн Бауер (*брат*). Учителем при молеальном доме в 1909-1914 гг. был Карл Кайзер. Его младший брат Виктор приехал туда же в 1911 г. и, покинув Петровку незадолго до первой мировой войны, преподавал позднее в Айгенфельде. Нет сведений о некоем Готтлибе Лампартере, быть может, брате Фридриха Лампартера.

(*Конфирмационный лист моей бабушки подписан Готтлибом Лампартером, из чего мы заключили, что он был старостой поселения.*)

Сельское хозяйство, производство молочных продуктов и торговля сельскохозяйственными орудиями были главным занятием жителей поселения. Каждый двор имел 50-70 дойных коров. На обширных полях жители Петровки выращивали пшеницу и рожь. Пахать было порой так трудно (*целина ?*), что приходилось запрягать за плугом 7-8 пар волов или лошадей. Для облегчения труда каждое подворье имело сенокосилку.

Петровка относилась к зажиточным, но не к самым богатым поселениям закавказских немцев. Это отражалось, в том числе, и в стиле домов.

Поселение Петровка представляло из себя типичную деревню проселочного типа, к каковым относились почти все поселения, расположенные по пути из Карса в Россию.

Протяженность поселения составляла примерно 250 м. Дома располагались на дистанции 30 м по обоим сторонам дороги, ведущей в Карс.

До сих пор сохранились здание школы, дома, принадлежавшие семьям Пфайфер, Бауер и Штайгер. Кроме того, сохранились две конюшни, принадлежащие семьям Штайгер и Котрини и несколько колодцев. По свидетельству двух бывших поселенцев, которые в 1934 г. приехали в Петровку, чтоб увидеть родные места, деревня была почти без изменений. Сохранились многие здания. И только в 40-е г. начались стремительные перемены в облике Петровки.

На юго-востоке от поселения находилась железная дорога, на северо-западе виднелись вершины холмов. Поселение было расположено между Карсом и Владикарсом. Примерно в 50 м на север от поселения, в 15 минут ходьбы находилось кладбище, местоположение которого явно просматривается и сейчас.

В нынешней турецкой деревне Пачакяйри, расположившейся на месте Петровки, начальная немецкая школа служит своему прежнему назначению. Это одноэтажное здание выходит своей широкой 20-ти метровой стороной на улицу. В одном крыле располагались классы и учительская, в другом — Bethaus, помещение для молитв, куда верующие собирались на службу. Вся деревня собиралась сюда и на Рождество вокруг большой рождественской елки, которое вместе праздновали и одаряли друг друга подарками. Все это может казаться банальным, если бы не было смыслом жизни 79-летнего кистера Кайзера.

Для чужака, проезжающего по неутешительному ландшафту в окрестностях Карса, этот островок посреди исламского фанатизма кажется почти невероятным.

Пфайфер был одним из богатых жителей Петровки. После Первой мировой войны его дом захватил турок по имени Сюзю Текек, который не внес изменений в немецкий стиль до-

ма. Быть может, причиной этого было то, что Сюзю Текек в юности был знаком с жителями Петровки и относился к ним с восхищением.»

После того, как была написана первая версия этой книги, мне посчастливилось найти родственников по линии Бауер, а именно, внука брата Марии, Эммануила Бауера, Анзора Николашвили, проживающего в Тбилиси, и его семью. От них я узнала о судьбе потомков старшего брата Марии, Георг-бека и познакомилась с его правнучкой, Хильдой Восканян, проживающей в Ереване. Так в мои руки попало генеалогическое древо семьи Бауер, составленное женой Анзора Ларисой Агамаян с рассказов ее свекрови, Лидии Бауер.

Вернемся к семье Иоганна. Очевидно, на новом месте было спокойно и безопасно, поэтому Иоганн и Мария родили десятерых детей. Старший сын, Карл, родился в 1891 г., за ним последовал Йозеф, затем — моя бабушка Паулина, а позже — Альберт, Фриц, Юстина, Вильгельмина, Лидия, Берта, София.

Паулина училась сначала в начальной школе, а потом в женской гимназии Карса и до конца жизни помнила стихи, которые там выучила. В детстве она была шалуньей и любила играть с мальчишками, а на уроках баловалась, за что часто получала от учителя линейкой по рукам.

Любимым праздником было, естественно, Рождество. Под Рождество отец ездил в Карс и привозил целую арбу подарков и всяких вкусностей. Зимы были суровыми, до тридцати градусов мороза, и как-то раз маленькая Паулина чуть не отморозила ноги при поездке в Карс за рождественскими покупками. Полагаю, что к столу покупались, в основном, сладости, потому что мясо, мясные закуски, масло, сыр и мука были своими. Вечером в Сочельник взрослые, уложив спать младших, наряжали елку и клали под нее подарки всем членам семьи. Как-то Паулина подсмотрела через занавеску на двери спальни, что подарки под елку кладут родители, а не Дед Мороз. Первое разочарование было немного скрашено приглашением взрослых участвовать в подготовке вместе, но не рассказывать об этом младшим.

Уже в детстве многие игры и забавы носили отпечаток немецкого прагматизма. Паулине было 6 лет, когда отец купил ей коз и научил доить корову. Рассказывая о школьных подро-

гах, бабушка вспоминала, что все подруги собирались в каком-нибудь очередном доме и коптили ветчину из гусиных окорочков, а потом ели и веселились.

Рассматривая фотографии Паулины и ее сестер, я не могла поверить, что эти барышни прикасались к коровьему вымени или готовили колбасу. Таким барышням следовало только музицировать и читать романы.

27-го июля 1910 г. четырнадцатилетняя Паулина прошла таинство конфирмации и получила «конфирмационный лист», который сохранила до конца жизни как сокровенную реликвию веры. Документ этот стал впоследствии, в ее постнемецкой жизни, когда она будет зваться Полиной Ивановной (или Егановной) Казарян, единственным документом, свидетельствующим о ее подлинном имени и национальности. На нем подпись старосты Петровки Готтлиба Лампартера и «разъезжающего дивизионного проповедника» (Reisedivisionsprediger), пастора П. Глипкалера. Очевидно, пастор из Тифлиса регулярно посещал колонии, не имеющие собственной церкви, и отправлял церковные обряды.

Старший брат бабушки, Карл, был смельчаком и балагуром. В окрестностях Карса жило много курдов, турок и черкесов, которые не ели свинину. Даже нищие, просившие хлеба, отказывались от свинины. Карл вымазал одного такого нищего свиным жиром. Надо быть немцем, чтоб понять, что такое в его жизни свинина!

Однажды в дом пришел лесник и сказал, что надо везти соль в горы. Карл — самый смелый, мол, пусть он и везет. Тот сел на лошадь и поскакал. В лесу на него напали курды, отняли лошадь, связали руки-ноги и опустили в ловушку для зверей. Карлу удалось освободить ноги, протерев веревку о камень. Освободив ноги, он вылез и, ползком, со связанными руками, добрался до пастухов, которые его развязали. А дома к ночи мать начала волноваться и послала за сыном отца. Отец нашел сына у пастухов и отправил домой, а сам остался, чтоб поймать и наказать бандитов. Одним словом, были трудолюбивые, честные люди, не робкого десятка, вжившиеся в местные условия.

Но это было ой как далеко от ассимиляции! Когда я в 1979 г. была в Казахстане и увидела поселение ссыльных немцев,

своих родственников, то была поражена: это был чисто немецкий островок в казахской степи. Архитектура, внутреннее убранство домов, все эти громоздкие комоды, коврики, вышитые готическими буквами, полное отсутствие смешанных браков, перины и свинина, песни и, главное, немецкий язык. Интересно, сколько поколений должно пройти, и какая минимальная кучность одного народа в другом должна быть в наличии, чтобы произошла полная ассимиляция? То поколение, которое я видела в Казахстане, дети и внуки Юстины, было пятым после Матеуса. Сейчас все они в Германии. 300 лет жизни в чужой стране мало отразятся на детях этих немцев. Те же, кто пошел на смешанный брак, растворили свою кровь во внуках почти полностью. Например, во мне четверть немецкой крови, которая не особенно восстает. Хотя я и считаю себя более склонной ко всему немецкому, чем другие внуки Паулины (окончила заочный немецкий факультет, бывала в Германии), но душе моей больше любя, к примеру, Япония, страна, язык которой я преподаю, чем Vaterland моей материнской родни.

Мы, армяне, традиционно очень болезненно относимся к угрозе ассимиляции армянских диаспор за рубежом, в частности, к угрозе утраты ею языка. Любой человек, живущий в чужой среде, выбирает одно из двух: выделиться или раствориться. И в обоих случаях есть свои преимущества. В первом случае — комфорт от того, что твой муж или жена имеют тот же национальный менталитет и легче поймут тебя, что слух ласкает родная речь и не надо напрягаться, что обоняние ласкают знакомые запахи, а взгляд — родные армянские глаза.

Немаловажно и то, что, чем малочисленнее анклав чужого вкрапления в равномерную среду, тем больше вероятность стать лидером в этом анклав. Для мужчин, как правило, это очень важно.

Второй вариант, то есть растворение, сулит перспективы иметь ту же зарплату и те же права, что и основное население. И только. И никаких тебе духовных благ. Только во имя детей, которые, быть может, достаточно смешавшись с местными, через три поколения начнут думать по-местному. Я часто спрашивала маму: «Кем ты себя ощущаешь, немкой или армянкой?» «Среди немцев недостаточно немкой, а среди

армян — ненастоящей армянкой», — отвечала мама. Был даже случай, когда недостойный человек сделал ей предложение пожениться «несмотря на то, что ты немка». Смешение культур, наверное, не приносит душевного равновесия в жизнь детей от смешанных браков, как в случае моей мамы, так и в моем (откуда это графоманство, если не от немецкой четвертушки). Но, думаю, что армянское начало было в маме сильнее немецкого. Армянский ген вообще силен, потому что мы инстинктивно кричим о страхе его потерять уже несколько веков.

Как-то я пыталась выяснить отношение к этим проблемам у японки из третьего поколения эмигрантов в Бразилию. Японская колония в странах южной Америки образовалась после войны 1905 г. и довольно многочисленна. По словам моей собеседницы, японцы занимают ключевые политические посты (вспомните бывшего президента Перу), входят в культурную и научную элиту. При наличии ярко выраженного антропологического отличия от местного населения, японцы изначально имели мало шансов «раствориться». К тому же, отличие по религиозному признаку, а также тот факт, что во время и после Второй мировой войны Япония рассматривалась как страна-противник, создавали хорошую почву для отторжения и дискриминации пришельцев. Но ничего подобного не произошло. Японцы чувствуют себя в этих странах комфортно и по-хозяйски, называют себя бразильцами, перуанцами, искренне любят бескрайние просторы своих банановых полей и удивляются, как можно жить в японской тесноте. И это при том, что правительство Японии предоставляет огромные льготы тем, кто говорит на родном языке: безвизовый въезд на заработки, возможность бесплатной учебы в японских вузах, стипендии, гранты, информационную поддержку и прочее, прочее. То есть, японское правительство много лет делает то, к чему мы призываем правительство армянское: осуществляет культурную и языковую поддержку диаспоры. А диаспоре хоть бы хны. Молодежь хочет танцевать самбу и зваться бразильцами.

Я согласна, что последующие строки можно признать политически безответственными, но, наверное, если бы армяне начала века не прошли через скорбь утрат, если бы родная страна не была бы для них многие годы недосыгаемой землей

сперва из-за советского строя, а теперь из-за того, что на ней трудно прокормиться, армянская национальная идея не была бы столь сильна. Будь в Армении все в порядке, будь принят закон о двойном гражданстве, если бы семьи воссоединились и люди спокойно занялись своим бизнесом, может забылся бы постепенно тот надрыв, который питает национальную идею?

Пути Господни непостижимы смертным, но, может быть, этой стране предначертано быть для многих «սիփիսի փափր ճիփիսի»*.

Зимой 1913 г. Паулина вышла замуж за Фридриха Коха (1883 — 1914), швейцарского немца, сыровара, приехавшего в Карс на поселение. Венчались в Тифлисе, в немецкой церкви, 12-го февраля. Кстати, церковь (по-немецки «кирхе») простояла в Тифлисе вплоть до Второй мировой войны, и даже после ее разрушения улица продолжала носить название «Кирочная». (Яскорский, стр. 46) Все сулило счастливое супружество. И все рухнуло в один день. 29 октября 1914 г. Турция объявила России войну, а в ноябре немцев вывезли из Карса по железной дороге. Русский губернатор Карса уверял, что война продлится недолго, поэтому колонисты заперли свои дома с имуществом в надежде на скорое возвращение.

В качестве нового прибежища для своей семьи Иоганн выбрал колонию Елизабетталь, так как она была материнской по отношению к родине его жены, местечку Александерсхильф, и, по-видимому, там жили какие-то родственники. Но жизнь не сложилась. Вскоре призвали на фронт сына Карла и зятя Фридриха. Оба погибли, сражаясь, по воле судьбы, против немцев. Вместе с похоронкой Карла пришла посмертная награда: Георгиевский крест.

Судьба остальных членов семьи Лангеништайн сложилась следующим образом.

Йозеф был женат на немке из Саратова. В 1941 г. его сослали в Сибирь, где он, очевидно, и погиб. Черноволосый красавец Альберт был призван в штрафной батальон и пропал без вести во время Второй мировой войны. Софья вышла замуж за

*) «дорогой к несбыточной славе» — строка из стихотворения великого армянского поэта Е. Чаренца.

грузина Георгия Качарава и родила двух сыновей — Гарри (1930 - 2000) и Вилли (1939). Жили в Тбилиси, где мальчики посещали немецкую школу. Берта вышла замуж за армянина, Арама Франгуляна, родила сына Роберта, (1935 - 1994 г.). Другие сестры вышли замуж за немцев и были сосланы перед началом войны. Юстина дважды выходила замуж, второй раз за Гайстдорфера, имела детей Хильду, Георгия, Иру, Грету, Марию. Потомки Юстины обосновались на юге Казахстана, в Джетысайском районе, в колхозе «Путь к коммунизму», где я их и навестила. Хорошо помню Георгия, великана и весельчака, у которого была такая большая ладонь, что моя в ней утонула. Под стать его размерам была и огромная бочка с вином, стоявшая в амбаре. Вильгельмина оказалась аж в Чите. Говорили, что сын ее — известный композитор. Лида была замужем за немцем по фамилии Роммель. В бытность в Грузии жила в Манглисе, имела дочерей Элю и Юлю, одна из которых училась в Тифлисе в консерватории. В годы ссылки дочери вышли замуж за русских. После смерти Сталина ссыльным позволили вернуться за своим имуществом. Лида вернулась, пыталась отстоять права на свой дом в Манглисе, но тщетно. Тогда она приезжала и в Степанаван повидать сестру, мою бабушку.

Родители Паулины жили после Елизаветтале в селении под названием Штайфельд (Кодиши) близ Люксембурга (ныне Болниси) до осени 1941 г., до того страшного дня, когда объявили, что немцы подлежат высылке в 24 часа. Вместе с родителями сослали и всех сестер, имевших немецкие фамилии. Везли в спецсоставе, в битком набитых вагонах. Не было воды. Иоганн и Мария умерли по дороге. Там их и похоронили.

По дороге пропал Георгий, сын Юстины. Он вышел напиться и отстал от поезда. А вокруг — пустыня. К счастью, шестилетний мальчик набрел на узбеков, которые взяли его пасти коз. От голодной смерти он спасся тем, что сосал козье вымя и ел в пустыне зеленые с красной мякотью плоды каперсов. Напрашивается аналогия с детством Иоанна Крестителя в пустыне, когда «пищей его были акриды и дикий мед». Свою семью Георгий нашел годы спустя.

Оставшихся в живых родных моей бабушки высадили в Казахстане на голую землю, где им пришлось ставить бараки, поднимать целину и строить колхоз.

Но до этих ужасных дней Лангенштайны прожили дружную и счастливую жизнь.

В Кодиши была большая немецкая колония. У них был красивый дом. Иоганн звал свою жену Mutter (мать). Mutter Maria пекла на капустных листьях вкусный хлеб. Во дворе за домом была мастерская Иоганна, в которой он мастерил экипажи. И была еще чудесно пахнущая комната, где сушили яблоки. Большие сады располагались за домами, а участки не были огорожены друг от друга. На меже между садами лежали упавшие груши и персики. При уборке урожая приносили большую плетеную корзину с двумя ручками и срезали ножницами самые спелые плоды. Дед Иоганн очень строго наказывал своим приезжавшим в гости армянским внукам (маме и ее сестрам), что нельзя поднимать с земли паданки, нельзя есть ежевику, которая служила изгородью и в пищу не шла, нельзя рвать персики с ветки от соседского дерева и прочее, прочее. Вместо воды пили Wasserwein, то есть воду пополам с вином, так как вода была плохая. По праздникам жители выезжали в поле на пикники, которые тоже были по-немецки чинными и чистенькими. Расстелив на траве свои скатерти, семьи садились поближе друг к другу, угощались и славили Господа. Менее степенные, такие как дядя Альберт, ловили в речушках рыбу, используя свою сорочку вместо сети.

К сожалению, мое общение с бабушкой пришлось на безбожные советские годы, и мы мало говорили о вере. Я не видела, чтоб она открыто молилась. Но две книги: Библию, полученную по случаю первого замужества и молитвенник своего первого мужа она сохранила, несмотря на бегство из дома, турецкий плен, землетрясение и все переезды.

Любовь и война

Шел 1915-й год. Моему деду Зармайру было уже 32 года. В то время он работал управляющим на заводе Мелик-Бахтамяна в Елизаветтале и покупал молоко у богатого фермера Иоганна Лангенштайна. Иоганн часто беседовал с Зармайром о бизнесе, о войне и мире. Немцы воевали тогда с переменным успехом, и, когда немцы наступали, Иоганн говорил: «Зар-

майр, мы настоящие немцы!» Когда же немцы отступали, Иоганн отрекался: «Зармайр, мы не немцы, мы немецкие хохлы».

Как-то Иоганн пригласил Зармайра домой, где тот увидел в зале портрет Паулины и сказал себе: «Вот кто будет моей женой». В тот день Паулина была в гостях у тети в Еленендорфе, и познакомиться с ней не удалось. Дед искал повода бывать в этом доме чаще и встречаться с Паулиной, но та его словно не замечала. Как-то он увидел ее купающейся в речке, и она была хороша как богиня.

— Иоганн, отдай за меня Паулину!

— Ни за что. Паулина должна выйти замуж за немца.

После долгих переговоров Иоганн сам предложил любую из других своих дочерей на выбор. А было у Иогана 6 дочерей, одна краше другой. Барышни кокетничали с Зармайром, и только Паулина была равнодушной. Но Зармайр свой выбор сделал. Он начал завоевывать сердце Паулины. Прекрасно владея немецким языком, он читал ей стихи Генриха Гейне, рассказывал о стране своих грез — Швейцарии, где мечтал учиться варить лучший в мире сыр.

Здесь стоит сказать о языковых способностях моих деда и бабушки. Бабушка свободно владела армянским, русским, турецким, грузинским, не говоря о том, что родной немецкий прекрасно помнила до конца жизни. Дед владел всеми перечисленными языками и еще помнил с гимназии греческий. Однажды, в 1918 г., когда в Тифлисе были турки, и армянам приходилось скрывать свое происхождение, дедушку на улице остановил патруль.

— Стой! Ты армянин?

— Нет. Я грек. Лука Гордони.

— Докажи. Скажи что-нибудь по гречески.

Пришлось вспоминать гимназию и прочесть из Ксенофонта, чтобы отвязаться от патруля.

Дедушка вплоть до сталинских репрессий выписывал немецкие журналы по сыроварению и свободно читал их. Он был очень способен и к диалектам, воспроизводил их в точности и часто подшучивал над местными жителями, уверяя, что он родом из этого села.

Сохранились его письма на армянском и русском языках, и так они хороши с точки зрения каллиграфии, стилистики и

содержания, что не могу удержаться от того, чтобы не привести их (см. примечания).

Итак, несмотря на ухаживания, Паулина идти против воли отца не желала, хотя и, будучи вдовой, была достаточно самостоятельной.

1917 год был годом больших потрясений. На Кавказском фронте, во многом благодаря поддержке местного населения и храбрости армянских отрядов, русские войска до 1917 г. развивали успешное наступление и к февралю удерживали Эрзерум и Ван. Войска продолжали удерживать позиции и после февральской революции и создания Закавказского сейма, но моральный дух их значительно пал. После июльских событий в России и, особенно, после октябрьской революции русская армия совершенно деморализовалась и с декабря начала отходить на север. Войска двигались по железной дороге через Карс в Тифлис и далее в Баку и на Северный Кавказ.

Чтобы не допустить прорыва фронта, уже с апреля 1917 г. Национальные комитеты пытаются осуществить национализацию армии. Из Армении в Санкт-Петербург посылаются просьбы о создании армянской армии, и, в конце концов, в шюле главнокомандующий издал приказ о создании армянского полка из разрозненных отрядов. В ноябре Андраник обращается с призывом ко всем армянам вступать в добровольческие отряды, которые защитили бы границы, потому что враг уже дошел до села Ерзнка. Тогда же Национальные комитеты и других закавказских республик приступили к формированию национальных частей. Для вооружения этих частей было решено отбирать оружие у отходящей армии. Вдохновителями идеи разоружения были глава Грузинского меньшевистского комитета Жордания и Мусульманский национальный комитет. Было очевидно, что такая операция не будет бескровной, так как войска в целях самосохранения не могли сдать оружие кому-либо, в то время, как «по всей линии железной дороги орудовали шайки мусульманских грабителей, которые грабили и убивали как местных жителей, так и проходящие эшелоны.» (Сеф, стр.8) К чести армянской армии надо сказать, что, когда поступило предложение разоружить армию на отрезке железной дороге, проходящем через Армению, Андраник выступил с резким протестом. Разоружение было осуществлено на линии

Тифлис-Баку, на станции Шамхор 7-12 января 1918 г.. «В результате операции разоружения погибли 2 тыс. солдат. Разыгались крупные бои между отходящими эшелонами и национальными, главным образом, татарскими частями и бандами татарских беков». (Сеф, стр.8) Инцидент на станции Шамхор повлек за собой наибольшее количество жертв, хотя уже с декабря 1917 г. обстрелы отходящих составов и нападения на поезда были обычными и на других участках железной дороги, в частности, на станциях Садахло и Санаин. (Աղբրիւնդրիւն, էջ. 90,97)

Очевидно, что в такой обстановке армянское население на территории Грузии, особенно вблизи железной дороги, чувствовало себя далеко не в безопасности. И хотя до наступления в эти края регулярной турецкой армии было еще далеко, у мусульманских банд были уже развязаны руки. Подготавливая весеннее наступление регулярной турецкой армии, уже в декабре 1917 г. местные турецкие банды совершают нападения на армянские районы Ахалцих и Ахалкалаки, которые армянам удалось отразить. Немецкое поселение Александерсхильф (Цалка) граничило с Ахалкалаки и, хотя Элизабетталь (Тетри-Цкаро) находился гораздо восточнее, армянское население всего региона было в постоянной тревоге, особенно там, где оно было малочисленно и не способно к самообороне.

Очевидно, какой-то местный инцидент послужил причиной того, что мой дед в конце 1917 г. в большом волнении пришел к Паулине и сказал, что армянам грозит опасность. Он вынужден спасаться бегством и просит ее поехать с ним. Без нее он не поедет.

Паулина, скрепя сердце, согласилась. Договорились на следующий день, воскресенье. Родители уехали в церковь, а Паулина осталась готовить обед. Мать обычно наказывала: «Как услышишь колокольный звон, значит мы уже возвращаемся. Тогда бросишь лапшу в бульон, но не раньше, чтоб не разварилась!» На этот раз пришлось закончить с лапшой побыстрее. Паулина взяла зонтик и сказала сестрам, что идет гулять в лес. Но Берту она попросила, если не вернется, послать ее чемодан с вещами через кучера Шидлера в Тифлис. Паулина шла к месту встречи и мечтала, чтобы произошло что-нибудь такое, что помешало бы этой встрече. Вот если бы упасть, по-

ранить ногу, можно было бы сказать Зармайру, что она хотела притти, но не смогла. Надо было идти через сад, и в саду ей встретилась большая черная собака. Паулина обрадовалась было, что собака не пустит ее, но та вдруг завиляла хвостом и пошла за ней. А Зармайр уже ждал на условленном месте, на мосту. С ним был друг, который должен был отнести записку родителям Паулины. Она написала записку, а Зармайр наказал другу отнести записку попозже, когда стемнеет, чтоб беглецов не догнали. Они дошли пешком до села, где был другой завод Мелик-Бахтамяна, а оттуда на повозке добрались до Тифлиса.

В семье Лангенштайнов новость ошеломила всех. Мать все плакала: «Ach, mein Gott, der Schwarze увез мою дочь». Родители смирились с замужеством Паулины только тогда, когда 20 августа (3 сентября) 1918 г. в Тифлисе родилась моя мама. Тогда они приехали с приданым и помирились с зятем.

Вернемся к хронологии военных событий.

В декабре 1917 г. было заключено перемирие при Ерзнка, а 30 января (12 февраля) 1918 г. турецкие войска, нарушив соглашение, перешли в наступление. 3 марта, после поражений на украинском фронте, русские поспешно заключили мир на условиях, гораздо худших, чем те, что были предложены в Брест-Литовске в декабре 1917 г.. Советская Россия не признавала Закавказской Республики и, заключая мир, оговаривала границы в пределах до русско-турецкой войны 1877-78 гг.. Это вызвало возмущение в Закавказском Сейме, и было решено, что делегация Сейма сама будет вести суверенные переговоры с Турцией. Переговоры в Трапезунде в марте 1918 г. завершились провалом, потому что, несмотря на принятое в Тифлисе решение, грузинские и мусульманские члены делегации в Трапезунде стали соглашаться с турецкими условиями во вред интересам Армении. Одновременно с переговорами о перемирии, турки продолжали наступать и в течение апреля заняли Карс, Ардаган, Александрополь. 28 апреля турецкое правительство формально признало независимость Закавказья и выразило согласие возобновить мирные переговоры уже с правительством Армении. Но 15 мая турки вновь нарушили соглашение, перешли в наступление на Александрополь, взяли его и продолжили наступление по двум направлениям: на Эривань и Каракилис.

22-26 мая произошла героическая битва под Сардарпатамом, примерно в те же дни шли бои в районе Каракилиса и Баш-Апарана. Поражение под Баш-Апараном откинуло турок к Александрополю, но в районе Каракилиса они прорвали оборону и заняли город. Туркам было очень важно завладеть железной дорогой, так как они стремились в Баку, куда устремлялись и немцы, высадившиеся в Потю 10 июня. Между союзниками даже возник конфликт, так как пришла пора делить большой куш: бакинскую нефть.

Но к исходу лета 1918 г. инициатива в войне перешла в руки держав Антанты, и 8 августа Германия капитулировала. 27 августа 1918 г. Германия с Советской Россией подписывают добавочный Брест-Литовский договор, 14-я статья которого касалась Закавказья, в частности, передачи Баку России. Понятно, что независимые республики Закавказья этот договор не признавали, тем более, что государства Антанты, также стремившиеся к бакинской нефти, стали форсировать события в регионе. Английские войска, стоявшие в Иране, 6 августа заняли Баку, где была советская власть. Продержавшись всего месяц и расправившись с большевиками, англичане покинули город, а 15 сентября в Баку вошли турецкие войска, учинившие расправу над армянским населением. 21 сентября переговоры в Берлине вынудили германо-турецкие войска покинуть Баку и другие оккупированные территории и отойти к линии фронта, обозначенной в Брест-Литовске. В ноябре англичане заняли Баку, в конце декабря — Тифлис и Эривань.

После того, как войска Антанты заняли территории, оккупированные ранее турками, английский генерал-майор Томсон 14 апреля 1919 г. направил письмо председателю грузинского правительства и армянскому представителю в Тифлисе о своем решении по временному разграничению в спорной зоне между Арменией и Грузией. В письме указывались зоны, переходящие под юрисдикцию Грузии, а именно — Ахалкалаки, Агдаган, Борчали, включая Алаверди, и зоны, переходящие к Армении, включая Карс, Кагызман, Нахичеван. Решение вступало в силу с 1 мая 1919 г..

Как только Карс открылся, дедушка незамедлительно уехал туда. Обустроившись, он вызвал жену. Паулина выехала с 9-месячной Седой и 11-летним Левой.

Карс оставался армянским немногим более года. Уже в сентябре 1920 г. турки перешли в наступление и вскоре захватили Сарикамыш, Карс (30 октября), Александрополь и стали угрожать Эривани. Жители Карса оказались в плену.

До конца жизни дед верил, что Карс будет возвращен армянам. «Как только Карс откроется, переедем», говаривал он. Вроде бы и жил он там недолго. Бабушка, правда, жила близ Карса до 18 лет. Но оба с такой гордостью считали себя карскими! Я часто спрашивала бабушку, что же там было особенного: ни леса, ни моря, только суровое плоскогорье, родившее пшеницу и луговые травы. Я рассматривала старые фотографии Карса в различных изданиях, видеоснимки в наши дни и пыталась почувствовать зов крови. Но увы! И только благодаря прекрасной книге воспоминаний А. Александряна «Մի փոփոխ», изданной дочерью и внучкой автора в 2001 г., мне удалось проникнуться красотой тех мест, узнать, что в Сарикамыше росли корабельные сосны, в горах было множество родников с минеральной водой, что луга благоухали цветами, а пшеница росла в человеческий рост. В прозрачных речках развивалась форель, заросли малины и ежевики росли вдоль дорог, а пастбища прерывались земляничными и грибными полянками.

Впервые узнала названия улиц, расположение крепостей и церквей в Карсе, узнала, что река под городом совершала петлю и какое-то время текла в обратном направлении. Узнала названия сел и сведения о быте их жителей. Всем, чьи корни из Карса, настоятельно советую прочесть эту подробно написанную повесть о трагической судьбе жителей Карса, о бегстве, возвращении, пленении и повторном бегстве. Вы сможете насладиться сладким карским говором в диалогах и получить подробные сведения очевидца о событиях 1914-1920 годов. Я восхищаюсь автором, писавшим честно и, очевидно, в ящик, так как содержание книги никак не могло выдержать советской цензуры. Восхищаюсь и потомками, которые довели его труд до конца.

Так что именно благодаря А.Александряну описываемые мною события расцвелились в моем воображении красками пейзажа и архитектурной панорамой. Понятно, что пейзажное обрамление событий обогащает, делает убедительным и запоминающимся любое повествование. Так и картинка-вос-

поминание о родных местах питает нашу память и тоску по утраченному. Нынешние армяне уже редко так скорбят по утраченным землям, потому что не знают, что это такое, какого цвета и формы, для нас это только отвлеченное понятие цвета географической карты.

В связи с этим хочу поделиться впечатлением от просмотра фильма об озере Ван. Цвет воды какой-то тропический, где — бирюзовый, где — ярко-голубой. Было очевидно, что воды прозрачны и холодны. Явственно чувствовался запах пряных трав, высохших под палящим солнцем и обрамляющих золотым ободком этот сверкающий аквамарин. Начинаешь понимать, почему так много слов, описывающих оттенки синего. А Ванская крепость — зубцы крепостной стены на отвесной скале, такой высокой, что крепостная стена выглядела как бортик на шахматной лагье. Занять такую крепость без поддержки авиации практически невозможно. Только предательство могло заставить жителей спуститься со своей твердыни, мотаться по свету и оплакивать ежедневно невозможность воссоединения с любимым. Любимым городом, любимым озером.

Но вернемся в Карс. Мои дедушка и бабушка остались в плену и три раза чудом спасались от турецкого ятагана. В первый раз дедушку забрали на улице Карса. Паулина взяла свой паспорт, комфирмационный лист, вездесущий зонтик и пошла в турецкое учреждение. Дверь открыл турок в красной феске с кисточкой и спросил: «Բարձր» «Кто ты?» Паулина сказала по-турецки, что хочет видеть самого большого начальника.

— Подожди, я ему скажу.

Начальник удивился и приказал впустить. Паулина поздоровалась по-немецки, и турок тоже по-немецки сказал:

— Садитесь, мадам. Вы наша сестра, наша союзница, чем могу быть полезен?

— Прикажете отпустить моего мужа.

— А кто ваш муж, что случилось?

— Маил Казарян.

Турки звали дедушку — Маил, потому что его имя звучало по-турецки неблагозвучно.

— Как, Ваш муж гявур? Бросайте его, вы наша сестра. Мы вас избавим от гявура.

Тут бабушка стукнула рукой по столу и закричала.

— Если вы немедленно не отпустите моего мужа, я напишу в Европу, что вы меня обижаете.

— Что вы, мадам, вы пойдете домой и увидите, что ваш муж уже дома.

Паулина вернулась и действительно увидела, что дедушка уже дома. Будучи дальновидным, он послал ее обратно к тому начальнику за бумагой о том, что Маил Казарян может свободно жить в Карсе. Бабушка пошла и принесла такую бумагу. Некоторое время дед формально был под защитой документа, но турки не чурались даже того, чтоб снять с человека на улице понравившиеся им брюки. Как-то дед пришел в грязных лохмотьях, которые оставил раздевший его турок. Турецкие власти все время менялись, и оставаться в Карсе стало опасно. Некоторое время бабушка прятала мужа и Леву в стоге сена, но об этом пронюхал турецкий полицейский и пришел за своей мздой. От него бабушка откупилась, сняв из под юбки пояс, куда были зашиты золотые украшения, полученные ею на свадьбе от александропольской родни дедушки. Из всего имущества остался лишь один золотой, который Лева спрятал в каблуке бабушки. На него после войны купили корову.

Однажды аскяр, пришедший в дом на обыск, увидел свое отражение в большом зеркале в прихожей и выстрелил, но качественное зеркало не разбилось. Остался след от пули. Не было никакой гарантии, что турок не придет завтра снова. Не было надежды, что большевики, победившие в Армении, будут воевать за Карс. И стало ясно, что надо бежать. Они бежали на север к реке Арпачай с группой армян, но далеко убежать не успели, попав в турецкую засаду. Хорошо, что маленькую Седу успели отдать одной из молокан, которых турки не трогали. Турецкий аскер увидел черноволосого младенца и сказал: «Отдай его, это — армянский ребенок!» Но женщина не побоялась и накинулась на него с бранью. Так спаслась мама. А армян повели на расстрел к реке. Бабушка без колебаний решила принять судьбу, уготованную ее мужу и другим армянам. Их было 30 человек. Бабушка держала за руку одиннадцатилетнего Леву. Всем приказали раздеться и веди дальше в нижнем белье. Путь был неблизок. По дороге турки устроили привал, сварили в котлах

мелкую, как орех, картошку и съели прямо с кожурой. Потом снова погнали пленных. Когда дошли до реки, вдруг издалека появились три всадника. Всадники эти были уважаемыми аксакалами из турецких сел, в которых дедушка варил сыр. По роду своей деятельности он все время бывал в разъездах, посещал множество сел, ночевал в домах селян, знал людей по именам и, случалось, предупреждал турок, что завтра их село собираются грабить курды.

Аксакалы, спешившись, поздоровались и сказали.

— Среди этих гявуrow есть человек, которому мы обязаны жизнью. Его зовут Маил.

— Что сделал этот Маил?

Узнав, что дед имел друзей среди людей всех национальностей, турки отпустили его. И отпустили всех тех армян, которых вели на расстрел вместе с ним. «Մի քանիսն արհեստագործներ էին»^{*)}

Что тут началось! Женщины благодарили его на коленях. Молодые девушки, у которых лица были вымазаны грязью, смывали грязь и целовали руки бабушке. А дед Зармайр, поблагодарив аксакалов, попросил дать ему пропуск до границы. И турок выдал пропуск, написав что-то на грязном листе и приложив вместо печати свой палец. Мол, Зармайр Казарян со своими людьми свободен в перемещении. И, как ни странно, этот пропуск оказался действительным. Так они добрались до Александрополя, а оттуда на поезде уехали в Тифлис.

Вот и кульминация. Те беженцы оказались живы, потому что были каким-то образом причастны к деду. Прошло более 120 лет со дня его рождения и 50 лет со дня смерти, но до сих пор живут люди, уважающие меня из-за причастности к деду Зармайру. «Честнейший был человек. Красивый наездник. У него никогда ничего не было притворчено к седлу». Сладко быть причастной к чему-то, что ценно и дорого даже для посторонних людей, сладко слышать удивленно: «Ах, ты внучка (или дочка или сестра) такого-то?». И хотя мне уже под пятьдесят, я жду в эти минуты продолжения типа «Как ты

выросла! Как поправилась! Как ты похожа на маму!» Насколько это приятнее похвалы за что-то, что сделала я сама, похвалы, в которой мне всегда слышится либо ирония, либо неискренность.

Семья

Войны закончились, и семья моей матери начала переезжать из района в район, теперь уже по делам службы. Сначала жили в Ленинанкане. После мамы родился мальчик, Альберт, который умер от тифа в 8 месяцев. Случилось это так. Паулина гостила у родителей и заразилась тифом, видимо, от плохой воды. На обратном пути, в телеге, она потеряла сознание и долгое время не приходила в себя. Ей даже не сказали, что ребенка не удалось спасти.

Прожив 2 года в Ленинанкане и пережив землетрясение в октябре 1926 г., они жили еще несколько лет в селе Кзлгоч (ныне Гукасян), потом переехали в Калинино и, окончательно, в Степанаван. В семье родились дочери Грета (1926) и Ира (1929). Дед везде строил и налаживал сырзаводы. Из всех районов Армении он больше всего полюбил г. Степанаван, напоминавший любимую его сердцу Швейцарию, в котором он и осел в конце концов. И если бы не бабушка, которая, выкармливая поросят, своими руками заработала на дом, наверное, до конца жизни бы мыкался по квартирам. В августе 1938 г., наконец, купили половину дома у Киприяна Шахвердяна, о чем сохранилась купчая. Дом существует до сих пор и остается для внуков Зармайра Казаряна хранителем самых счастливых воспоминаний о детстве.

Об отношении деда к советской власти можно было сказать, что это было сосуществование скрепя зубы.

Однажды, когда они жили в Кзлгоче, из Ленинанкана в дом деда прибыл «форд» с представителями власти. Поев и выпив, гости вышли поразвлечься. В то время на крыше одного из домов жила единственная в деревне пара аистов. Была весна, аисты выводили птенцов. Партийный чиновник посчитал их подходящим объектом для охоты и застрелил одну из птиц. Вся деревня вышла с дубинками и грозилась убить приезжих.

^{*)} И этих (людей) тоже тебе дарую.

Дед был страшно рассержен, он посоветовал партийцам сесть в машину, убраться и никогда больше здесь не показываться. Второй аист весь день кружил над телом друга (или подруги), пока того не похоронили.

В уже цитированном личном листке, датированным 1935 г., на вопрос «В какой партии состояли, когда, как долго?» дан не лишенный юмора ответ: «Ни в каких партиях не состоял, так как работал сыроваром и был отрезан от политической жизни».

Советская власть тоже не любила моего деда. Он всегда оставался главным технологом, уступая директорство партийным чиновникам. Несколько раз эта взаимная нелюбовь чуть не вылилась в трагедию: однажды из-за того, что дед выписывал немецкие журналы и чуть было не был обвинен в шпионаже, второй раз — из-за того, что носил шляпу с полями. Оба раза моя бабушка была готова следовать за ним в ссылку, если бы даже пришлось оставить детей у знакомых. Моя тетя Ира вспоминает, что ей было 6 лет, когда в Калинин отец каждый раз с тревогой раскрывал газету и читал списки новых «врагов народа». Уже арестовали его друга, зоотехника Норайра Степаняна. «Неужели очередь дойдет до меня?» — говорил он шепотом жене. В один из таких тревожных дней дед на всякий случай написал дочкам письмо, в котором уверял их, что он честный человек и что, хотя и арестован, но обвинен ложно. Но эта горькая чаша миновала семью Казарян.

А когда началась война, в доме появился некий Вачик, бывший одноклассник моей матери, работник НКВД. Он очень строго предупредил, чтобы моя бабушка готовилась к отъезду, так как ожидается приказ о высылке немцев. Ссылка была реальной, и поэтому готовились к ней трезво. Дед, не колеблясь, собирался разделить судьбу жены: «Я поеду с тобой. Детей оставим с Седой, а когда устроимся, вызовем их». К счастью, вскоре последовал отбой. Те, кто поменяли при браке свои немецкие фамилии, ссылке не подлежали.

Здесь следует сказать, что брак моих деда и бабушки никогда не был официально зарегистрирован, ни в церкви, ни в каком-либо другом учреждении. Дело в том, что дед не был официально разведен с Сирануш. Для развода нужен был формальный повод, например, обвинение в супружеской неверно-

сти или другое подобное обвинение, которого дед из гуманных соображений не мог предъявить бывшей жене. Так они и жили, связав свой брак взаимным доверием и придумав впоследствии легенду о потере брачного свидетельства во время землетрясения в Ленинакане.

Переехав в Степанаван, дед стал главным специалистом по сыроварению всего Степанаванского района. Должность его называлась официально «инструктор-производственник Сырмаслоцентра», затем «инструктор-технолог Степанаванской базы Армсыртреста». Варил швейцарский, голландский, тушинский сыр, рокфор, а также армянский вариант российского сыра, который потом был назван «Лори». Дед лично возил сыр в Москву для Сталина.

Цитирую из письма бабушки министру социального обеспечения: «В 1926 г. им была разработана технология производства сыра "чанах" и уход за ним. В 1927 г. улучшил качество швейцарского сыра и предложил свою культуру. Швейцарский сыр, выпускаемый Степанаванским сырзаводом, на все-союзной сельскохозяйственной выставке по качеству, технологии приготовления и культуре занял первое место. По этой технологии и культуре изготавливали сыры в СССР.»

Армения в довоенные годы производила 70% швейцарского сыра в СССР. В России подходящие пастбища были только на Алтае, в Калининской, Костромской, Ярославской и Вологодской областях. Кстати, Армения шла далеко впереди других республик Союза в производстве швейцарского сыра и в гораздо более поздние времена. Так, из произведенных в СССР в 1985 г. примерно 3000 т швейцарского сыра на долю Армении приходилось 2000 т, Грузии (Цалка, Дманиси) — 800 т, РСФСР (Алтайский край) — 450 т в год. (Мартirosян, стр.15). И, хотя имя моего деда даже не упоминается в работах армянский специалистов, заслуги его в этом деле несомненны.

Дед постоянно составлял проекты строительства новых заводов, улучшения племенного хозяйства, совершенствования технологии (см. Приложения. Документы №№ 1, 5, 6, 7). На заводах он устраивал душевые для рабочих, чтобы те мылись до и после смены, подсобные хозяйства, чтоб выкармливать поросят на отходах производства. Мечтал о создании бескоркового

швейцарского сыра, о создании чистой культуры и постоянно экспериментировал в этих областях. По его инициативе на заводах из сыворотки начали получать молочный сахар.

Он ездил в командировки и на совещания, постоянно переписывался и встречался с видными российскими специалистами по сыроварению. Сохранились письма от проф. А. Н. Королева из г. Пушкина (под Ленинградом) (Приложения. Документы №15,16) от Лидии Скородумовой из Вологды, Сары Станкевич из Баку (Приложения. Документ №11). К нему приезжали на практику российские студенты. Не будет преувеличением сказать, что все известные специалисты по сыроделию Армении, в том числе профессор З.Х.Диланян, В.Н. Кюркчян, профессор микробиологии Левон Ерзнкян, так или иначе, прошли практику и учились тонкостям мастерства у моего деда.

В его доме всегда останавливались самые уважаемые гости. Однажды на экскурсию приехали даже американцы: мистеры Яго и Фаттерей с женами и детьми. После их посещения в доме остались красивые вещи: банки из-под варенья и меда, а один стаканчик еще долго жил в семье и назывался «мистер Яго».

Я намеренно привела в приложениях неинтересные на первый взгляд документы, многочисленные приказы, распоряжения, акты комиссий, чтобы нынешний читатель представил атмосферу постоянного надзора и недоверия, в которых приходилось работать в те годы. Постоянное присутствие на заводе чекистов, официальных и добровольных соглядатаев, считающих «потери сырья и жира», очевидно, не могло не вызывать раздражения такого вольнолюбивого человека, как дед. С другой стороны, после суровых тридцатых деду пришлось работать под начальством не слишком честных людей, поведение которых доставляло ему почти физическое страдание.

Дед продолжал ездить по окрестным деревням и, как и прежде, уважал уклад и культуру всех, кому варил сыр: армянокатоликов, русских, молочан, греков, азербайджанцев. И все сельчане встречали его дружелюбно. Молочане приглашали:

— Зармайр Карпыч, чай будете с полотенцем?

— Ну, что ж, давай с полотенцем. (То есть до пота).

Порой приходилось садиться за стол не в самых чистых домах. И тогда дед, чтоб не обидеть хозяев отказом от еды, просил сварить ему яйцо. Все знали его в лицо. Даже местный

бандит ղաշաղ Մաղը, как-то, встретив деда в лесу по дороге в село Привольное, подарил ему в знак уважения плоть с рукояткой из козлиной ножки.

Образы моих деда и бабушки будут неполными, если не добавить несколько эпизодов из их жизни в военные годы. В 1942 г. к ним подселили эвакуированных из Ростова, семью из пяти человек. Так что в доме, где было всего две комнаты, стали жить уже вдесятером. Приезжие были в родстве с Шалапиным. Этим интеллигентным, но уже давно недосдавшим людям бабушка помогала всем, чем могла, и, в первую очередь, едой. Когда пришло время возвращаться на родину, ростовцы плакали и, в знак благодарности, написали заметку в местную газету.

В то время как дедушка, обладая безусловным авторитетом, был в своем кругу в роли мирового судьи, к которому приходили за помощью жены, обиженные мужьями, и соседи, враждующие друг с другом, бабушка была само милосердие и принимала участие в судьбе многих несчастных. Не говоря уж о том, что у нее были единственные на всю улицу мясорубка и чудо-печка, которые постоянно одалживались, к ней постоянно приходили женщины с просьбой одолжить градусник, йод, посмотреть на ранку или ожог ребенка, посоветоваться при болезни скотины, одолжить «морковь, капусту и бурак, так как сегодня собираюсь варить борщ». Бабушка вязала шарфы и носки, силами женщин улицы организовала отправку на фронт посылок и даже была награждена за это медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

В военные годы голодно было везде, даже в деревне. Голодали дети одного из соседей, Апетнака. Отец был на фронте, жена, заперев дом, уходила с утра на работу, а двое детей двух и четырех лет приходили и молча становились у дверей моей бабушки. Бабушка кормила их, укладывала спать, купала и лечила, когда те болели. Когда вечером возвращалась их мать и начинала варить на костре ежедневные картошку и фасоль, дети были уже сыты и засыпали. В семье другого соседа, Анушавана, который погиб в начале войны, жена весь день работала в колхозе, а детей было пятеро. Жили очень бедно, в доме с земляным полом, но просить еду стеснялись. Этим детям бабушка сама посылала все, что удавалось: то цигер, то есть,

второг из сыворотки, то печень и сало, когда резали свинью, то обрат из маслобойки, да еще с куском масла. Об этом с благодарностью рассказывали бывшие подопечные бабушки, пришедшие и приехавшие издалека на ее панихиду.

Рассказывая о военном времени, нельзя не вспомнить историю о том, как призывали на фронт мою маму. Всей большой семьей, включая эвакуированных, готовили вещмешок: ветчину, колбасу, печенье, теплые вещи. А дед мой, скрепя сердце, впервые завел с дочерью «взрослый разговор». «Знаю, — сказал он, — как трудно женщине на фронте среди стольких мужчин. Но выхода нет. Ты постарайся с самого начала сойтись с каким-нибудь офицером, чтоб другие не приставали.» Мама была высокой, статной и очень белокожей. Поплакали и пошли на сборный пункт. И только там узнали, что женщин с высшим образованием пока не берут. Вернувшись домой, на радостях закатали пир из продуктов, приготовленных в дорогу.

Постоянные разъезды, в которых прошла жизнь моего деда, закончились в 1947 г. последней трагической поездкой, в которой он простудился, схватил пневмонию и скончался.

Советская власть оценила заслуги деда своеобразно, назначив его вдове нищенскую пенсию в 15 рублей, которую та получала вплоть до 1975 г.. Правда, через много лет после его смерти появились люди, которые повесили портрет деда на кафедре сыроделия Ереванского сельхозинститута и признали (на словах) его первенство в некоторых вопросах.

Дед был нежным мужем и вдохновенным отцом. Привозил жене из командировок обновки, кроме верхней одежды даже нижнее белье и единственные в Степанаване фильдеперсовые чулки. Бабушка примеряла, кокетничала и бывала всем довольна. И в то же время, жалея мужа, делала в доме и мужскую, и женскую работу: колола дрова, таскала тяжести. У бабушки были больные вены на ногах, последствия отморожения в детстве. Любимой шуткой в доме по этому поводу был такой диалог.

— Пап, как ты женился на женщине с такими ногами!

— У нее было такое красивое лицо, что я не успел взглянуть на ноги.

Дочерей он называл своей гордостью, а дочери старались оставить отцу лучший кусок, берегли карамельки, которые им

выдавали в школе, чтоб папа пил чай не с сахарином, а с конфетами.

Но стихией его, естественно, был сырзавод. Он старался никому ничего не поручать, не доверять, все делал сам. Каждую ночь вставал, шел на завод, чтобы самолично проверить, как готовится ночной сыр, а утром шел, как обычно, на дневную смену.

Эти записки стоило назвать «Поэмой о сыре», потому что вся жизнь моего деда, его мечты и любовь были связаны с сыроварением. Все рассказы моей мамы и ее сестер о родителях плавно переходили в рассказы о сырзаводе, о технологии, о секретах и о вкусе сыра, который варил мой дед. Больше всего дочки любили ходить на завод и смотреть, как зреют сыры, как отец достает сыр из котла.

А происходило это таинство так: в котле, в кипящей сыворотке, плавала сырная масса. Дедушка брал обечайку — длинную гнущуюся железную линейку, на которую намотаны концы серпьянки, опускал руки в холодную воду и быстро — в кипящую сыворотку. Когда сыр был захвачен, четверо рабочих помогали его поднять, вешали на крючок на монорельсе, ждали минут пять, пока не отожмется сыворотка, завязывали узлом серпьянку с четырех концов, клали в большую круглую или четырехугольную форму и отправляли под пресс. Спустя какое-то время его солили в соляном бассейне, потом выдерживали сначала в теплом, затем в холодном подвале. Наступал день, когда дедушка проверял величину дырок, вырезая из сыра небольшой цилиндр прибором, похожим на пробочник. Если качество молока было не лучшим, сыр мог вздуться, размеры дырок могли отклониться от нормативных в 20 - 25 мм.

Как-то я прочла в газете небольшую заметку о швейцарском фермере-сыроваре, варившем всего 10 -15 сыров в год. И там были строки, поразившие меня: «Когда я спускаюсь по лестницам в подвал, эхо от моих шагов подсказывает мне, насколько созрел сыр».

Значит, тончайший слух мастера улавливал оттенки отражения звука в многочисленных резонаторах, именуемых сырными дырками и которые хочется именовать сырным органом. Скажите мне, где та грань, которая отделяет это искусство от музыки?

Где бы ни жил дедушка, он везде сажал сады. И сад, цветущий сейчас возле Калининского сырзавода, посажен руками деда. В Кзлгоче в этой связи произошел курьезный случай. В этом суровом краю красивейших альпийских лугов и ручьев, где форель можно было поймать руками, деревьев не было вообще. Единственное дерево — ива — росла во дворе маминного учителя, сына священника. Люди там были дикие, безжалостно вытапывали лес, посаженный дедушкой, пасли в нем скот. Каждую весну дедушка неутомимо сажал молодые деревца, а летом те погибали. После долгих хлопот, неудач, насмешек, дедушке удалось выхлопотать в Ленинакане ставку сторожа. Сторож должен был охранять деревца. До сих пор в этой деревне рассказывают о том, как сторож каждую ночь выкапывал деревца, относил к себе домой, чтобы спокойно выспаться, а утром относил на место. Дедушка долго не понимал, в чем дело, и почему деревья не растут. Узнав правду и не доверяя больше никому, он построил ограду и сам сторожил по ночам. Два-три деревца на этой земле все-таки прижились.

Я считаю эти несколько страниц теми деревцами из леса, который следовало бы посадить во имя светлой памяти моего деда Зармайра и бабушки Паулины.

1. Карагулян М.С. Новая разновидность армянских сыров — армянский бескорковый. Канд дис. Ереван, 1969.
2. Мартirosян А.А. Техника и технология швейцарского (эмментальского) сыра в СССР и за рубежом Ереван, 1988.
3. Ալեքսանդրյան Ա.Մ. Մոմախանչ. Երևան, 2001.
4. Линч А. Путешествие по Армении. Тифлис, 1910.
5. Yaskorski A. "Deutsche Siedlungen im Sudkaukasus." — Iran & the Caucasus. vol.5, 2001, pp.133-138
6. Яскорский А.В., Яскорский Р.А. Швабы Причерноморья и Кавказа. Ереван, 2003.
7. W. Feurstein. Petrovka. Eine vergessene Kolonie der Kaukasus-Deutschen im Armenien Hochland (Nord-ostturkei) — Heimatbuch der Deutschen aus Russland. Stuttgart, 1982-1984, SS. 107-114
8. Ղազարյան Վլ. Հայաստանի Հանրապետությունը 1918-1920 թ. (բաղադրական պատմություն). Երևան, 2002.
9. Сеф С. Правда о Шамхоре 7-12 января 1918 г., 1927
10. Մելիքյան Վ. 1917-ի փետրվարյան հեղափոխությունը և Հայաստանը. Երևան, 2000.

Документ №1

(Проект развития молочной промышленности и животноводства)

Штамп 20.01.1927г.

Լեւինականի III գավառամասում կաթնատնտեսությունը և անասնաբուծությունը տարածելու և զարգացնելու իմ ծրագիրը

Բաց թողնել Ղզլ-ղոշի յուղ մատակարարող արտելին առնվազն վեց հազար ուրլի վարկ, որպեսզի արտելը կարողանա իր կովերի թիվը հասցնել 300-ի և մեզ հնարավորություն տա այս տարի 1200 փութ զվիցարական պանիր պատրաստելու:

Ղուրտ-բուլաղին, որն ունի 160 կով, տալ 2000 ռ.՝ կովեր գնելու համար: Այս գյուղը մեզ կտա օրեկան 50 փ. կաթ կամ սեզոնի ընթացքում 400 փ. չանախ պանիր: Կաթը պետք է բերել մեր՝ Ղզլ-ղոշի գործարանը, որ այնտեղ պանիր պատրաստվի:

Ղզլ-քիլիսան 120 կովով կտա մեզ օրեկան 35-40 փ. կաթ կամ 350-400 փ. չանախ պանիր: Այդ գյուղի կաթը ևս պետք է բերել Ղզլ-ղոշ և այնտեղ վերամշակել: Տալ 2000 ուրլի:

Բոզ-շոխուշը ունի 180 կով: Օրեկան կունենա 60-70 փութ կաթ կամ 600-700 փութ չանախ պանիր: 1-2 տարում այդ գյուղում պետք է շինվի մի շինություն չանախ պանրի գործարանին հարմարացնելու համար, որը կպահանջի 200-300 ռ. ծախս (կարգի բերելը):

Ապագայում, երբ գյուղացիք ծանոթանան կաթի գործի հետ, նրանց միացնել Դուզ-խարաբայի նոր կառուցվելիք գործարանի հետ, այնտեղ պանիր պատրաստելու համար:

Բոզ-շոխուշին պետք է բաց թողնել 2500 ռ.՝ կովեր գնելու և կաթնատնտեսությունը իրականացնելու համար:

Դուզ-խարաբայում, ինչպես ընկեր Քանչանն է խոստացել, բաց թողնել 10.000 ռ.՝ զվիցարական պանրի գործարան շինելու համար: Այժմ գյուղն ունի 238 կով, անցնող ամսում այդ գյուղը ուներ օրեկան 105 փ. կաթ, չնայած, որ

*) Письма и документы даны в хронологическом порядке. Тексты, по возможности, приводятся в современной орфографии с сохранением стилистики первоисточника. Напр.: «швейцарский» оставлено в старом правописании «զվիցարական».

գյուղում տարածված է դարաղ հիվանդությունը: Առանձին ուշադրություն պետք է դարձվի այդ արտելի վրա, որը բնական բոլոր հարմարություններն ունի զվիցարական պանիր պատրաստելու համար և որը գյուղացիությանը կապել է կոոպերատիվ հիմունքներով աշխատելու գիտակցությանը:

Հալուտ և Գյուլլի-բուլաղ: Հալուտից կաթը բերել Գյուլլի-բուլաղ և այդտեղ պատրաստել չանախ պանիր՝ գյուղում մի շենք հարմարեցնելով գործարանի համար, որը կպահանջի 200-300 ռ. ծախս: Երկու գյուղերն ունեն միասին 360 կով, օրեկան 120-150 փութ կաթով, կամ ամսովա ընթացքում կտան 1200 փ. չանախ պանիր: Վարկ բաց թողնել 4000 ուրլի:

Չիֆթալին ունի 300 կով, կտա օրեկան 100 փութ կաթ առնվազն, կամ սեզոնի ընթացքում 1000 փութ չանախ պանիր: Գյուղում կա հարմար շինություն, որը կպահանջի վերանորոգելու համար 400 ուրլու ծախս: Տալ գյուղին 400 ուրլի:

Հայի և թուրքի Ծիշբաթանից 320 կովով օրեկան 100 փութ կաթ, կամ ամսովա ընթացքում 800-1000 փ. չանախ պանիր: Գյուղում մի շենք հարմարեցնել գործարանի համար՝ ծախսելով 200-300 ռ.: Տալ վարկ 4000 ուրլի:

Բավրուս՝ 160 կով: Օրեկան տալիս է 50 փութ կաթ կամ սեզոնում 500 փութ չանախ պանիր: Բաց թողնել 2000 ուրլի:

Ծղխլորը ունի 300 կով: Օրեկան տալիս է 80-100 փութ կաթ կամ սեզոնում 800 փութ չանախ պանիր: Նմանապես գյուղում մի շենք հարմարեցնել գործարանի համար, ծախսելով 400-500 ռ.: Այդ գյուղում, որ գտնվում է քաղաքից 25 վերստ հեռավորության վրա, պատրաստել սմետանա, տվորոգ և կաթի մի մասն էլ կարելի է շարունակ ուղարկել Լեւինական, իսկ սմետանան ու տվորոգը արտահանել: Վարկ բաց թողնել 4000 ուրլի:

Չմոռանամ հիշեցնել, որ պիտի ժամանակին վարկ բաց թողնել Դուզ-խարաբային՝ զվիցարական պանրի գործարան շինելու համար, որ այս տարի հնարավոր լինի 300 փ. զվիցարական պանիր շինել:

Այսպիսով, վարկավորելով 10 գյուղ 40.500 ուրլով, մենք կունենանք 3-րդ գավառամասի 10 գյուղում՝ 10 կաթնատնտեսություն. հնարավորություն կտանք գյուղացիներին ճախ ավելացնել կովերի թիվը, իսկ աշնանը զտել նրանց, որ լավացնենք կովերի որակը: Կովերի ցեղը ազնվացնելու համար Ղզլ-ղոշում հիմնել բեղմնավորման կայան ընտիր ցուլերից: Մենք այս տարի այդ գյուղերից կստանանք մոտ 5000 փ. չանախ պանիր և 1200-1500 փ. զվիցարական պանիր: 1-2 տարի թվաձս գյուղերում գործելով, լավ հիմքերի վրա կնենենք նոր հիմնվելիք արտելներ, և գյուղացիությունը տեսնելով ու ծանոթանալով կաթնատնտեսության շահավետության հետ՝ ինքը կցանկանա վերամշակել կաթը: Այդ ժամանակ մենք պատրաստի գործարանները

կհանձնենք գյուղացիությանը: Այս ձևով կազմված արտելները անհամեմատ օգտակար կլինեն:

Զ. Ղազարյան
1927թ. հունվարի 18-ին
Երևան

Խմ ծրագրում նշված այն գյուղերում, որտեղ կաթը պետք է վերամշակվի, հարկավոր է տեղադրել մեկ-մեկ հատ սեպարատոր, խնոցի և ստեղծել հնարավորություն (տակառներ կամ ցեմենտե ավազաններ), որպեսզի պանիրները մինչև ամրանալը պահվի և հետո տեղափոխվի Ղզլ-դոչի կամ Լենինականի մեր պահոցը: Նույնը:

Комментарий

Эта докладная, пронизанная заботой о расширении отрасли, мечтой о том, чтобы привнести цивилизацию в глухие деревни и достаток — в дома сельчан, хорошо отражает натуру деда, мечтателя, родившегося под знаком Водолея.

Сложив цифры и переведа пуды в тонны, получим, что только в 10 селах Гукасянского района дед планировал минимальными затратами в 1927 г. получать примерно 50 т швейцарского и 100 т сыра "чанах", в то время как все артели и заводы Армении в 1928 г. произвели 1045 т сыра (в том числе 640 т сыра "чанах"), 126 т масла и 1232 т цельномолочной продукции (А.Карагулян, стр.14).

Документ №2

Պանիրյուղկենտրոնի վարչությանը
Արտադրողական հրահանգիչ Զ. Ղազարյանից

Զեկուցում

Զվիցարական պանիրների արտահանումը դեռ շարունակվում է: Մնում է ուղարկել Պետ. Ֆերմայի, Ղզլդոչի պանիրները և 43 շրջանակ էլ Ստեփանավանի ու Վորոնցովկայի արտելներից, ընդամենը 3300 կիլոգրամ: Ցանկանալով ձեռք բերել որոշ հմտություն և նորություններ, դեռ պանիրների առտահանումից շատ առաջ ես խնդրել էի ընկ. Արովյանին, որ նա միջնորդի պանիրյուղ-

կենտրոնի վարչության առաջ, որպեսզի ինձ թույլ տրվի գնալ Մոսկվա ծանոթանալ այնտեղի զվիցարական պանիրների շուկայի հետ, տեսնելու Դոնի շրջանի և Աքսային զվիցարական պանիրները, ծանոթանալու մի քանի օրինակելի կաթնատնտեսության գործարանների հետ, տեսնել մի քանի կուլեկտիվ տնտեսություններ, ուսումնասիրել Մոսկվայի պաստերիզացման կաթի կայանը, ձեռք բերել որոշ կաթնատնտեսական գրականություն և այլն և այլն:

Խմ համոզմունքով, որքան հրահանգիչը, մանավանդ արտադրողական հրահանգիչը բազմակողմանի պատրաստված լինի, այնքան հաջող պետք է ընթանան նրա հրահանգչական աշխատանքները, և, ինչ կասկած, որ այդ բոլորը պետք է անդրադառնա մեր արտադրողության վրա: Սակայն որքան մեծ եղավ իմ զարմանքը, որ ինձ ոչ միայն չհաջողվեց Մոսկվա գնալ, այլ նույնիսկ 3 և կես ամիս է պանիր եմ որակում և ուղարկում, բայց մինչև օրս պաշտոնական ոչ մի տեղեկություն չունեմ, թե ինչպես է ընդունել Պետական էքսպերտիզան իմ որակումները, որպեսզի ըստ այն ես դեկավարվեյի իմ աշխատանքի ժամանակ:

.....
(ընդամենը 2 էջ)
27 փետրվարի 1928 թ.

Документ №3

Союз молочной кооперации Армении «Сырмаслоцентр»
25.12 1928 г
№ 6562

Удостоверение

Дано сие т. Зармайру Казаряну (инструктору-производителю Сырмаслоцентра) в том, что он Правлением Союза Молочной кооперации Армении командировается в РСФСР и по указанию Маслоцентра ознакомится с процессами производства маслodelия и сыроварения, постановкой дела снабжения городов Москвы и Ленинграда молоком, постановкой показательных колхозов молочного направления, а также для ознакомления в Вологде в молочно-хозяйственном институте с постановкой казеиноварения и опытно-молочного дела.

Просьба соответствующим организациям оказать т. Казаряну надлежащее содействие.

Вышеозначенное удостоверяется подписью и приложением печати.

Срок настоящего удостоверения устанавливается — 2 месяца со дня выдачи.

Правление

(за Бекназаряна) *подпись*
Секретарь *подпись*

(Оганесян)
(Секоян)

Документ №4

ընկ. Ջարմաշիր

Ըստ տեղեկությունների Պրիվոևու խոշոր պանիրը վատ դրության մեջ է, պահեստները շատ վատ են: Խնդրում եմ Գրիգորի հետ գնալ Պրիվոևի պանիրները նայել, եթե հնարավոր է տեղափոխել Ուոուտ Մատվեյի և վարպետի հետ միասին:

Քերոփ *подпись*

без даты

Документ №5

СПРАВКА

При обсуждении вопроса о реконструкции Воронцовского, ныне Калининского завода З.К. Казаряном в 1932 г. на производственном совещании было предложено охладить соляные бассейны при помощи искусственного холода, через установку соответствующих радиаторов. Во избежание ржавчины он предложил покрыть последние цементным раствором или гудроном.

26. V . 1937 г. Ереван

Доцент Зооветинститута (З. Диланян) *подпись*

Документ №6

Арм. ССР

Мясной и молочной

Промышленности УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие тов. Казаряну Зармайру Карповичу в том, что действительно в этом году, когда он был в командировке с 16 июня по 18 июля, швейцарские сыры неожиданно стали вспучи-

ваться под прессом. Все старания нашего мастера и лаборанта предотвратить этот процесс не имели успеха. Как только тов. Казарян вернулся из командировки и узнал про нашу неудачу в производстве, он сейчас же применил свою культуру «Мацун» и сейчас же ликвидировал этот порок, который больше не повторился. Теперь я окончательно убедился, что самое верное, простое и дешевое средство против вспучивания сыров под прессом — «мацун», что подписью и приложением печати удостоверяется.

Директор Степанаванского
завода (Авакян)
1940 г.

подпись

Документ №7

СПРАВКА

В 1935 году на Калининском заводе у тов. Казаряна я прошел курсы техникума и практику производства швейцарского сыроделия.

С 1936 года я работаю самостоятельно мастером под руководством и по технике тов. Казаряна. Несмотря на плохие условия (температура в холодных подвалах 18-19 град. С) с техникой тов. Казаряна я достиг больших успехов. Швейцарские сыры получают в среднем 88-89 баллов, чего не видал Степанаванский завод со дня своего основания. В этом году в июне месяце внезапно швейцарские сыры стали вспучиваться под прессом. Тов. Казарян в это время отсутствовал. Как только он вернулся и узнал наше горе, стал применять свою культуру «мацун», после чего бесследно исчез порок «нуссер». С того дня я успешно применяю культуру тов. Казаряна «мацун» и окончательно убедился, что самое верное, простое, дешевое средство против порока «нуссер» - «мацун». Тогда как при применении культуры «(пропущено)» сыр иногда вспучивается под прессом.

В этом году тов. Казаряну удалось ликвидировать также пороки швейцарского сыроделия «№ (пропущено)». Техника тов. Казаряна в швейцарском сыроделии дает нам два часа экономии времени в производстве.

Мастер-отличник *подпись* (Седрак Бахшинян)

IX — 1940 г.

Документ №8

Удостоверение к медали

«За трудовую доблесть»

1.03.1944 г

Казарян Зармайр Карпович

(к медали «За трудовую доблесть» прилагались денежные купоны для получения 10 рублей в месяц. Из расписок следует, что купоны были отоварены лишь дважды. Советская власть в очередной раз раздавала людям обещания, которые цинично не выполняла.)

Документ №9

Удостоверение к медали

«За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны»

2.10.1946 г

Казарян Зармайр Карпович

Документ №10

Удостоверение к медали

«За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны»

17.06.1947 г

Казарян Павлина Ивановна

Документ №11

Письмо 1

(З.Казаряну от С.Станкевич)

28.03. 1944. г. Баку

Дорогой Зармайр Карпович!

Я не могу выразить Вам свою благодарность. В тяжелые годы войны, когда жизнь такая дорогая, Вы вспомнили обо мне! Я бесконечно благодарна Вам и Паулине Ивановне за Ваше доброе дело. Когда-нибудь я постараюсь Вам отплатить тем же, а пока примите мой скромный подарок. Я посылаю Вам одну пару чулок и одну пару носок, одну пачку чая и один флакон одеколона, — это все, чем я располагаю. Затем я посылаю Вам, не дай бог заболееете, 5 граммов сульфидина и по 10

таблеток стрептоцида белого и красного, затем 10 граммов сахара. Простите, что так скромно. Когда-нибудь я постараюсь для Вашей любимицы Гретты сделать более ценный подарок. А пока не взыщите!

.....

Я из Вашей картошки 10 кг дала Л.Тане, а 5 кг дала главному бухгалтеру Кортуну. Всю остальную картошку поделила с сетрой. У нее сейчас двое детей, и вот они, а также я со своим сыном и домработницей Юлей едим картошку три раза в день и вспоминаем с благодарностью Вас и Паулину Ивановну.

Уважаемый Зармайр Карпович, на 15 апреля в Эриване намечена сработка по сырам (по Закавказью). Возможно, мы с Вами увидимся, так как Вы обязательно должны присутствовать.

Сердечный привет и благодарность Вам и Паулине Ивановне от моей сестры и зятя, наши детки Вас горячо целуют.

Сарра Станкевич

Документ №12

Письмо 2 (дочерям от отца, З.Казаряна)

14.01.1947 г. (тяжелобольной, за несколько месяцев до смерти)

Моя гордость, мои дорогие дети!

С каждым днем моя любовь к вам все более увеличивается и с каждым днем я все более к вам привязываюсь. Я не могу дождаться, когда, наконец, вы приедете!!!

Сегодня я получил от Седы телеграмму, которая была так искажена, что только можно было догадываться: «Защитил, скоро приеду». [о моем отце]

Конечно, обрадовались. Поздравляем.

Посылаю письмо от Гургена. Дорогие, чтобы не терпели нужды, не забудьте захватить с собой хлебные карточки. Хорошо было бы взять рейсовую карточку или командировочную карточку. У нас много картошки, но багажа не принимают, а у нас нет пока отправки.

Если кто-либо приедет, то я пошлю денег.

Мое положение улучшается.

Целую вас крепко

Ваш папа Зармайр.

Опись других документов архива

Может представлять интерес с точки зрения идентификации лиц, занимающих определенные должности на разных этапах развития молочной промышленности СССР.

Документ №13

УДОСТОВЕРЕНИЕ

(штамп)

ՀԱՍՏ

ՄԱՏՈՂՎՈՐՄԱՏ ՅՈՒՂ-ԿԱԹ ԱՐՏԱԴՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՄԻԱԿՈՐՈՒՄ "ՀԱՅՅՈՂԱՐԴ"

Предъявителю сего, тов. Головину Петру, согласно проверки его документов по теоретической подготовке и практической работе за последние 2 года присвоена квалификация сыровара первой категории по крупным и мелким сырам, что подписью удостоверяется.

НКСнаб-ССРА

Объединение

Молочно-масляной

Промышленности

АРММАСЛОПРОМ

Председатель квалификационной комиссии

/ Мирзоян/

Члены комиссии

/Русанович/

/Торосян/

/Бекчян/

№ 6-05 от 5 .06. 1934 г.

Аналогичные удостоверения выданы Гамбарову Михаилу, Жабину Григорию, Дмитреву Петру, Амирханяну Седраку и др.

Документ №14

ПРИГЛАШЕНИЕ

(на армянском, русском и французском языках)

Правительственная Юбилейная комиссия при Совнаркоме Армянской ССР приглашает Вас принять участие в чествовании профессора Всесоюзного Зооветинститута, доктора с/х наук

АВETИСА АЙРАПЕТОВИЧА КАЛАНТАРА

по случаю исполнившегося 55-летия его научной, педагогической и общественной деятельности.

Чествование состоится 1 апреля 1937 г. в 7 час. Вечера в доме культуры

Правительственная Юбилейная Комиссия

Адрес для корреспонденции

Ереван, Наркомзем,

Юбилейная комиссия.

(Аветис Айрапетович Калантар был другом дедов и частым гостем в его доме. Детям он подарил книжку о немецкой семье, "Плюх и плюх", которая стала любимой и цитировалась в семье всегда.)

Документ № 15

(Письмо З. Казаряну от проф. А.Н. Королева)

г. Пушкин 9 апреля 1937г.

Многоуважаемый Зармайр Карпович!

Приношу Вам глубокую благодарность за присланные Вами образцы камней Армении. Туфом заинтересовалась даже моя дочка. Она учится в пятом классе и недавно по географии проходила о вулканах. Учительница говорила о вулканическом туфе, но показать его не могла, о чем сильно жалела. От присланных Вами образцов я отколол кусочки, достаточные, чтоб их можно было показывать в школе. Вероятно, и учительница, и ребята будут Вам благодарны так же, как и я и преподаватель строительства в нашем институте, которому я передам образцы.

В скором времени буду иметь удовольствие выслать Вам новое руководство по сыроделию (для техникума), которое уже напечатано.

Сейчас, наверное, у Вас в Степанаване хорошо. Весна! У нас тоже сравнительно тепло, градусов 6-8 тепла, однако снег растаял еще не везде.

Всего хорошего. Передайте мой искренний привет Вашей супруге.

Уважающий Вас А. Королев.

Документ № 16

(Письмо З. Казаряну от проф. А.Н. Королева)
Последняя страница, без даты

.....в Тироли и Швейцарии некоторые сырные заводы работают на паре, полученном с помощью электроэнергии. Пар может запасаться в ночное время, когда электроэнергия на силовой станции (в вашем случае на Дзорагэсе) используется не полностью.

Когда я был в Армении в 1930 г., об этом, помнится, упоминал не то Диланян, не то Осепян. Не оставили еще эту мысль — сделать Воронцовский завод опытным электрофицированным заводом?

Хотя Вы и не можете писать. Зармайр Карпович, и время у Вас сейчас горячее, но Вы, может быть, все-таки сядете на полчаса и ответите на поставленный выше вопрос и другие, затронутые в предыдущем письме?

Как растет Ваш сад перед Воронцовским заводом?

Передайте мой привет Вашей супруге.

Искренно уважающий Вас А. Королев.

Документ №17

Распоряжение

по главмаслопрому № 161

от 15 мая 1938 г.
Москва

«О введении временных норм потерь сырья и жира при производстве масла и сыра на заводах системы главмаслопрома»

Переработка молока в готовую продукцию связана с некоторой безвозвратной потерей жира и сырья на производстве (молоко переливается из посуды в посуду, проходит ряд машин и аппаратов, расходуется на контрольные анализы и пр.)

Эти потери сказываются на разрыве между приходом жира на производстве, но до настоящего времени никем не санкционировались. На практике это приводило к тому, что на местах трудно было установить, имеется ли разрыв между приходом и расходом жира естественной убылью или это результат хищений.

Приказываю

1. Утвержденные мною «Временные нормы потерь сырья и жира при производстве масла и сыра ввести в действие с 1-го июля 1938 г. на всех заводах, сепараторных отделениях, сливных и пастеризационных пунктах системы Главмаслопрома.

2. Главной бухгалтерии Главмаслопрома (тов. Мён) и техническому отделу (тов. Орлин) не позднее 20.V с.г. разработать и дать трестам инструкционные указания о порядке производства начетов за недостатку жира и сырья.

3. С введением настоящих норм все указания и распоряжения, противоречащие им отменить.

Приложение — «Временные нормы потерь сырья и жира при производстве масла и сыра на заводах системы главмаслопрома»

Начальник главмаслопрома НКПП СССР

/Си-
ротин/

Приложение на пяти страницах.

Документ №18

(штамп)
СССР
Народный
Комиссариат Мясной и Молочной
Промышленности

5. окт. 1939 г.
№0102/6089

Приказ

О максимальной экономии топлива, проведение мероприятий по снижению расходов топлива и пара, проверка состояния топливно-экономического хозяйства.

(на одной странице)

Зам.Наркома Мясной и Мол Пром. СССР
/Кокорев/

Документ №19

Акт

1940 г. Степанаван
(о химическом анализе сборного сливочного масла
Опарцинского колхоза)
(на одной странице)

Зав. молочно-испытательной лабораторией Армсыртреста
/Левон Ерзинкян/
Эксперт Степанаванской базы
/Зармайр Казарян/
В присутствии складчика базы
/Агаси Саркисян/

Документ №20

(штамп)
СССР
Народный Комиссариат
Мясной и Молочной
Промышленности
Главное управление
Сыродельной промышленности

Главному инженеру армянского сыртреста
«ГЛАВСЫРПРОМ»
г. Осепяну

10 мая 1941 № 8327

На вашу телеграмму от 9 мая с.г. относительно методов, применяемых при определении пастеризации сливок, Главсырпром сообщает, что реакции Шторха, Зуа-Келлера, Вилькенсона и др. в целях контроля масла на предмет установления, что оно выработано из пастеризованных сливок, не применяются, так как указанные реакции не обеспечивают точности определения. Поэтому в практических условиях оценка масла на пастеризацию производится органолептическим путем.

Начальник технического отдела
/А. Марьянский/

Документ №21

Программа

Курсов по подготовке и переподготовке мастеров-сыроделов к сезону 1944 г.
по Армсыртресту
Время в часах: теория 60, практика 100
(на шести страницах)
Гл. Инженер Армсыртреста /Кюркчян/

Таблица

Выходов по швейцарскому сыру и маслу подсырному (как побочному продукту)

Для контроля производства на 1944 г. в граммах.

(на одной странице)

Гл. Инженер

/Кюркчян/

Документ №23

Акт

1934 г. акт инспекции. Мы, комиссия в составе научного сотрудника НИМИ технолога Вачута Кюркчяна, инструктора-технолога раймаслоцентра Зармайра Казаряна, старшего зоотехника Лорплемсовхоза Михаила Оганесяна, Зав лабораторией зональной станции Иван Захаренко, мастера сырзавода Лорплемсовхоза Мукуча Амирханяна составили настоящий на обследовании сырзавода Лорплемсовхоза, при котором выявили следующее.

Состояние швейцарских сыров неудовлетворительное.

Наблюдается массовое вспучивание и повреждение корки разного происхождения, в основном от вспучивания сыра.

В санитарном состоянии необходимо отметить отсутствие периодической дезинфекции, побелки стен, тщательной мойки посуды и помещения, а самое главное — отсутствие в достаточном количестве воды, необходимой для содержания завода в идеальном состоянии.

Качество сырья и вспомогательных материалов не отвечает основным требованиям производства. Молоко на завод поступает в основном низкого качества (при сортовке молока получается 25-30% обрата.) Условия получения молока не отвечают техническим и гигиеническим условиям.

Температурный режим подвалов не отвечает требованиям швейцарского сыроделия. Наблюдается недопустимо высокая температура, доходящая в холодном подвале до 17-19 град.С.

Техника выработки сыра соответствует минимальным условиям хранения (созревания), т.е. сыр производится с некоторой гарантией предупреждения вспучивания (применение чистых культур, введение калийной селитры).

Учитывая все вышесказанное, комиссия констатирует, что причиной состояния выработанного продукта является комплекс факторов, в основном состояние высокой температуры холодного подвала.

.....

Считаем целесообразным применение дальнейшего охлаждения рассола льдом, а также охлаждение льдом холодного подвала (до температуры) не выше 13 град.С.

В основных подвалах завода, которые расположены на юг и юго-восток, произвести наружную изоляцию стен, благоустроить ледник и зимой загрузить льдом. Изолировать потолок. Окно пробить с северной стороны подвала.

Комиссия (подписи)

Документ №24

Возражения и дополнения

Главного технолога Калининского завода Казаряна З.К. на акт комиссии по Калининскому заводу от 20 мая 1938 г.

При выработке швейцарских сыров в период март-апрель и (неразборчиво), я не участвовал в выработке сыров, т.к. отсутствовал, будучи в командировке по сдаче сыров в Москве с 11 по 19 февраля, и с 16 по 23 марта (командировочное удостоверение прилагается).

Вода при варке сыра прибавлялась без моего ведома в период март-апрель (до 10 мая) и после того, как мною было установлено, что мастера добывают теплую загрязненную воду, мною было предложено добавлять чистую воду для уменьшения кислотности сыворотки и быстрой обсушки зерна (лучшего выделения сыворотки из зерна). Действительно, мацони добавлялось, но только с конца августа и только на 25 кругах сыра с особой отметкой на сырах.

В отношении выемки и обсушки зерна в моем присутствии:

за исключением указанного времени, работой руководил лично я.

Сыры в теплых подвалах трещин не дали, но за неимением достаточного места в холодных подвалах, я вынужден был оставлять сыры в подвалах, которые не охлаждались, где температура достигала до 24 град. С, где сыры дали трещины, а некоторые растоплялись.

Действительно, с февраля месяца подвалы не отапливались по той причине, что директор завода не обеспечил завод (не-разборчиво), что сильно увлажнило подвалы, влажность достигала 99%. Это привело к образованию бели, гнилостных колодцев, что и было причиной большого количества заплат и повлияло на вкус и аромат сыра.

Часто я обнаруживал, что мастера вопреки моего распоряжения допускали сокращение количество сычужного порошка, что затягивало время заквашивания до 70-75 мин (вместо 30-35 мин.), что также способствовало повышению кислотности молока и образованию самоскола.

Мягкая варка мною не допускалась, и я лично следил за нормальным высушиванием зерна. При высокой кислотности молоко ни разу не использовалось на швейцарские сыры, (не использовалось) также молоко слизистое и с кровью.

Технолог *подпись*

З. Казарян

Ввиду отсутствия технолога Казаряна на совещании 18 и 19 мая с.г., комиссия находит необходимым настоящее возражение приложить к акту от 20 мая с.г.

Комиссия: *подписи*

(Русанович)
(Кара-Огланов)
(Ерзинкян)

22/ V 1938 г.

Документ №25

ՀԱՅՊԱՆԻՐՏԵԱՍ
29126

Բոլոր գործարաններին
Հաստատում եմ
Գլավմասլուպրոմի
գլխավոր ինժեներ (Սիրիկ)

4-րդ դեկտեմբերի 1939 թ.

Հրահանգ

Գլավմասլուպրոմի գործարանների, պանիր կայանների, սերգատման և ընդունման կետերի վերանորոգումներից հետո ստուգման և ընդունման մասին:
(Հրահանգ 18 էջ)

Подписи к фотографиям

Фото 1

Молодой Зармайр Казарян. Тифлис, 1904 г.

Фото 2

Зармайр Казарян. Конец 1920-тых гг.

Фото 3

Зармайр Казарян и сыровар-инструктор по имени Барегам 1935 г.

О Барегаме в семье много рассказывали. Например, такой эпизод. Овдовев, Барегам решил жениться во второй раз. Ему рекомендовали в качестве невесты немолодую женщину, дальнюю родственницу А.Микояна, жившую в Москве. В это время ему с дедом как раз предстояла командировка в Москву. Он подготовил гостинцы (гату) и попросил деду пойти на смотрины вместе. Когда пришли по адресу, дверь открыла женщина с замотанной полотенцем головой и длинным носом. Гости выложили подарки и сели за стол. Мой дед был эстетом, и женщина ему сразу не понравилась. Он начал делать другу знаки, чтобы поскорее уйти, но тот словно не замечал и продолжал беседу. Впоследствии выяснилось, что ему стало жаль принесенных гостинцев. Когда друзья наконец вышли, дед решительно высказал свое мнение. А Барегам все причитал: «Հրի գիրքերի», «Մանկերը հիւնդրթաւ լինոյ մանկերը նման էին»:

Фото 4

Зармайр Казарян и директор Калининского сырзавода, Геворг Сагателян, на фоне сыров и форм для сыра. На стене портрет С.Шаумяна. Калинин, начало 1930-тых гг.,

О Г.Сагателяне рассказывают, что тот был бывшим чекистом, ходил в галифе и с наганом у пояса. Как-то на заводе произошел инцидент: рабочий украл бутылку сливок. По приказу директора его выставили перед заводом на всеобщее обозрение с несчастной бутылкой сливок и плакатом «Я вор» на груди. Думаю, что если бы Г.Сагателян не нуждался в таком специалисте, как мой дед, то давно бы нашел повод для его ареста.

Фото 5

Зармайр Казарян на фоне головок тушинского сыра. Начало 30-тых годов.

Фото 6

Котел и другое оборудование цеха. 30-тые годы

Фото 7

Образец почерка Зармайра Казаряна. Письмо о планах развития молочной промышленности. Ленинакан, 1927 г.

Фото 8

Надпись на фото:

Участники инструкторского совещания «Сырмаслоцентра» Армении. Ереван, 1927 г.

Внизу слева: Барегам. В центре — Бекназарян

Фото 9

В верхнем ряду слева направо: мастер Агаси Саркисян, Зармайр Казарян

В нижнем ряду слева направо: мастер Седрак Бахшиян, директор Степанаванского завода Шаварш Авакян, мастер Василий Гончаров. Все — работники Степанаванского сырзавода.

Степанаван, конец 1930-тых гг.

Мастера завода, особенно солельщики были крупными, сильными мужчинами, им приходилось переворачивать огромные сыры весом 70 -100 кг.

Фото 10

Очевидно, участники какого-то совещания.конец 20-х годов

Фото 11

Паулина Казарян. Степанаван, конец 1930-тых гг.,

Фото 12

Паулина Казарян перед домом в Степанаване. 1938 г.

Фото 13

Паулина Казарян. Ереван, конец 1970-тых гг.,

Фото 14

Паулина Казарян. Ереван, начало 1980-тых гг.,

На коленях — раскрытая Библия.

Фото 15

Немецкая церковь в Тифлисе. Разрушена в 1941г.

В настоящее время в Тбилиси построена новая немецкая церковь современной архитектуры на средства одного из бывших «грузинских» немцев.

Фото 16

Конфирмационный лист Паулины Лангенштайн. Петровка, 1910 г.

Конфирмация — форма одного из таинств христианской церкви — миропомазания.

Совершается не одновременно с крещением, как в Армянской Апостольской или Русской Православной церквах, а при достижении ребенком 12-14 лет. Лютеране проходят обряд конфирмации в возрасте 14 лет. Исторически восходит к древним обрядам инициации.

Фото 17

Карта Карской области, на которой видна Петровка. Из статьи

W. Feurstein. Petrovka. (см. ссылку 7)

Фото 18

Вильгельмина Лангенштайн, сестра бабушки. Петровка (или Тифлис) Около 1916 г.

Фото 19

Юстина Лангенштайн, сестра бабушки. Петровка (или Тифлис) Около 1916 г.

Фото 20

Лидия Лангенштайн, сестра бабушки. Петровка (или Тифлис) Около 1916 г.

Фото 21

Портрет немецкой супружеской пары. Очевидно, двоюродная сестра бабушки с мужем.

Фото 22

Супруги Казарян с детьми и внуком Степаном, сыном Левона Казаряна. Степанаван, 1938г.

Фото 23

Ира и Грета Казаряны с племянником, Степаном Казаряном. Степанаван, 1938г.

Фото 24

Супруги Зармайр и Паулина Казарян перед домом в Степанаване. 1938 г.

Фото 25

Левон и Елена Казарян, дети Зармайра и Сирануш. Степанаван, начало 1940-тых гг.,

Фото 26

Грета Казарян (средняя дочь Зармайра и Паулины) с двоюродным братом, Гарри Качарава, сыном Софы. Тифлис, 1940 г.

Фото 27

Младшая сестра Паулины Берта с сыном Робертом. 1940 г.

Фото 28

Левон Казарян, старший сын Зармайра и Сирануш. Ереван, начало 1930-тых гг.

Фото 29

Седа Казарян, старшая дочь Зармайра и Паулины. Степанаван, 1936 г.

Фото 30

Ирина Казарян, младшая дочь Зармайра и Паулины. Степанаван, 1949 гг.

Фото 31

Седа и Грета Казаряны. Тифлис, 1929 г.

Фото 32

Левон Казарян с женой, Седой Аветикян, сестрой, Седой Казарян и сыном Степаном. Ереван, 1940 г.

Фото 33

Грета Казарян (средняя дочь Зармайра и Паулины) с мужем, Мисаком Манукяном. Ереван 1963 г.

Фото 34

Внук Зармайра Степан Казарян. Степанаван, 1937 г.

Фото 35

Внук Зармайра Степан Казарян. Ереван, 1953 г.

Фото 36

В верхнем ряду — сестры Лангенштайн. Слева направо: Берта, Лида, Паулина, Соня. В центре — Ирина Казарян, внизу — Вилли, младший сын Сони, затем Гагик, сын Седы Казарян. На коленях младенцы: Карицэ, дочь Седы, Марина, дочь Иры и Дима, сын Гарри, внук Сони.

Фото 37

Гарри Качарава, сын Сони. Тифлис, 1953 г.

Фото 38

Гарри Качарава, сын Сони. Тифлис, 1935 г.

Фото 39

Потомки Юстины Лангенштайн. Слева в верхнем ряду Георгий, перед ним его жена, старшая и младшая дочери. Германия 1990 г.

Фото 40

Семья Цолака Казаряна. Жена, три дочери, зять и внуки. Каменец-Подольский, 1977 г.

Фото 41

Ирина Казарян с учениками. Степанаван. Конец 40-х годов

Фото 42

Цолак Казарян с Седой Казарян. Ереван, 1956г.

Фото 43

Седа Казарян с мужем, Гургеном Карамяном, и детьми, Гагиком и Каринэ Карамянами. Кисловодск, 1958 г.

Фото 44

Седа Казарян с матерью Паулиной. Ереван, начало 1980-тых гг.

Фото 45

Гагик Карамян, сын Седы Казарян Ереван 1956 г.

Фото 46

Паулина с внучками, Мариной Петросян и Анаид Манукян. Ереван, 1958 г.

Фото 47

Четыре поколения женщин нашей семьи: Паулина, Седа, дочь Иры, Марина, и дочь Марины, Зара. Степанаван, 1977 г.

Фото 48

Внуки Паулины, Карине и Анаид, и правнучка Зара. Ереван 1980 г.

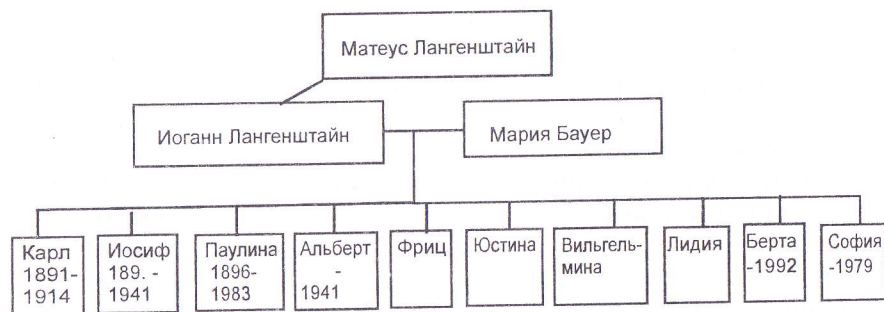
Фото 49

Внуки Паулины и Зармайра, слева направо: Армен, сын Греты, Гагик, сын Седы, и Андраник, сын Иры. Ереван, 2003 г.

Оглавление

Пока живы бабушки.....	3
Мой дед Зармайр.....	6
Абовян и Мелик-Бахтамян	12
Сирануш.....	15
Моя бабушка Паулина.....	17
Любовь и война.....	33
Семья.....	43
Эпилог.....	50
Список литературы.....	51
Письма, документы.....	52
Подписи к фотографиям.....	70

Генеалогическое древо семьи Лангенштайн

Карл - детей не было

Иосиф -

Паулина - первый муж - Фридрих Кох, детей не было
 второй муж - Зармайр Казарян,
 дети - Седа (1918 -1986), Грета (1926), Ирина (1929)

Альберт -

Фриц -

Юстина - первый муж, дети - Хильда,
 второй муж - Гайсдорфер,
 дети - Георг, Ирина, Грета, Мария

Вильгельмина -

Лидия - муж - Роммель, дети - Эля, Юля

Берта - муж - Арам Франгулян, сын - Роберт (1930 -1994)

София - муж - Георгий Качарава,

дети - Гаральд (1930 -2000), Вилли (1939)

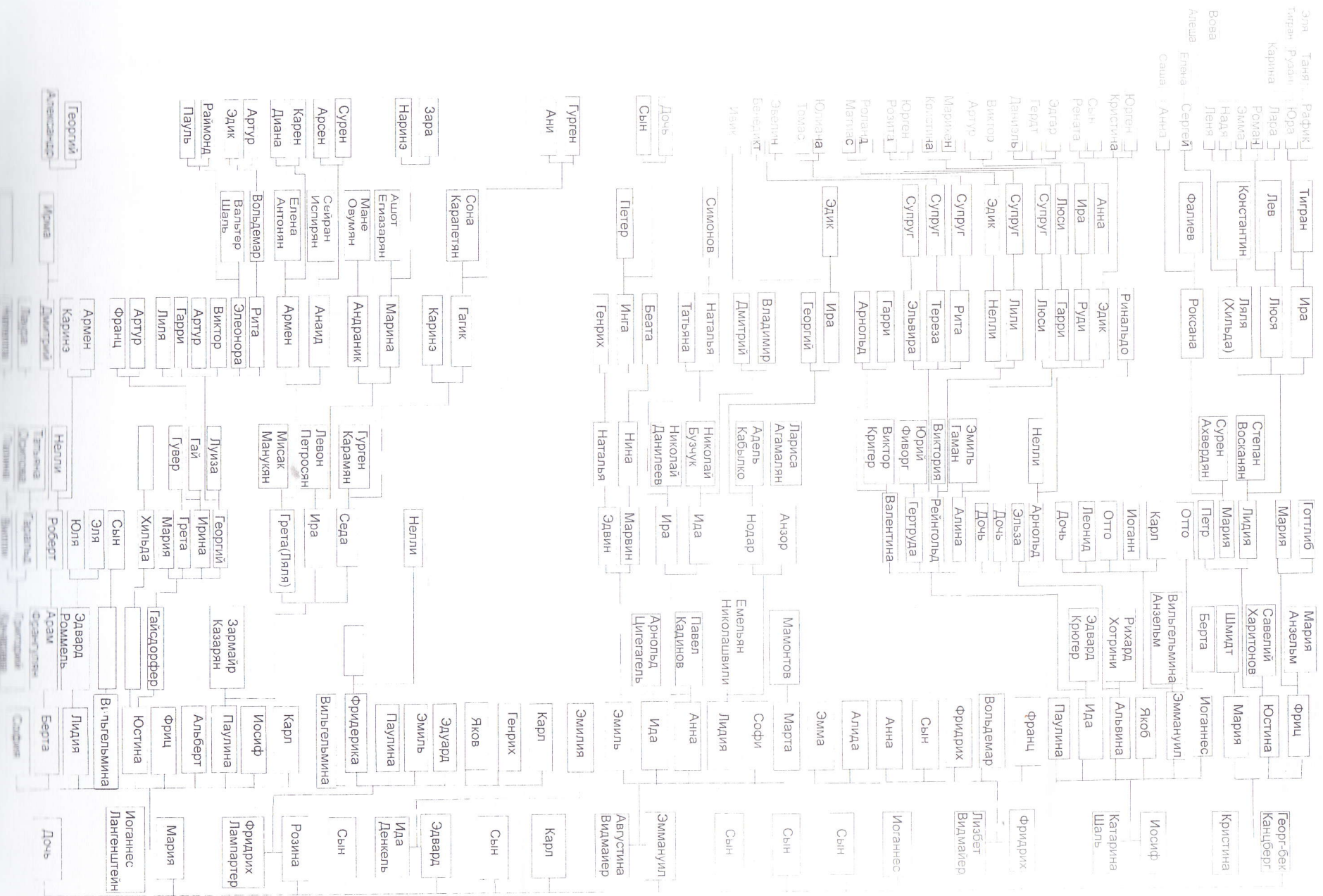
Э

К

С

Totum Baye

Lisbet Xonxop-Minirip

Генеалогическое древо семьи Казарян

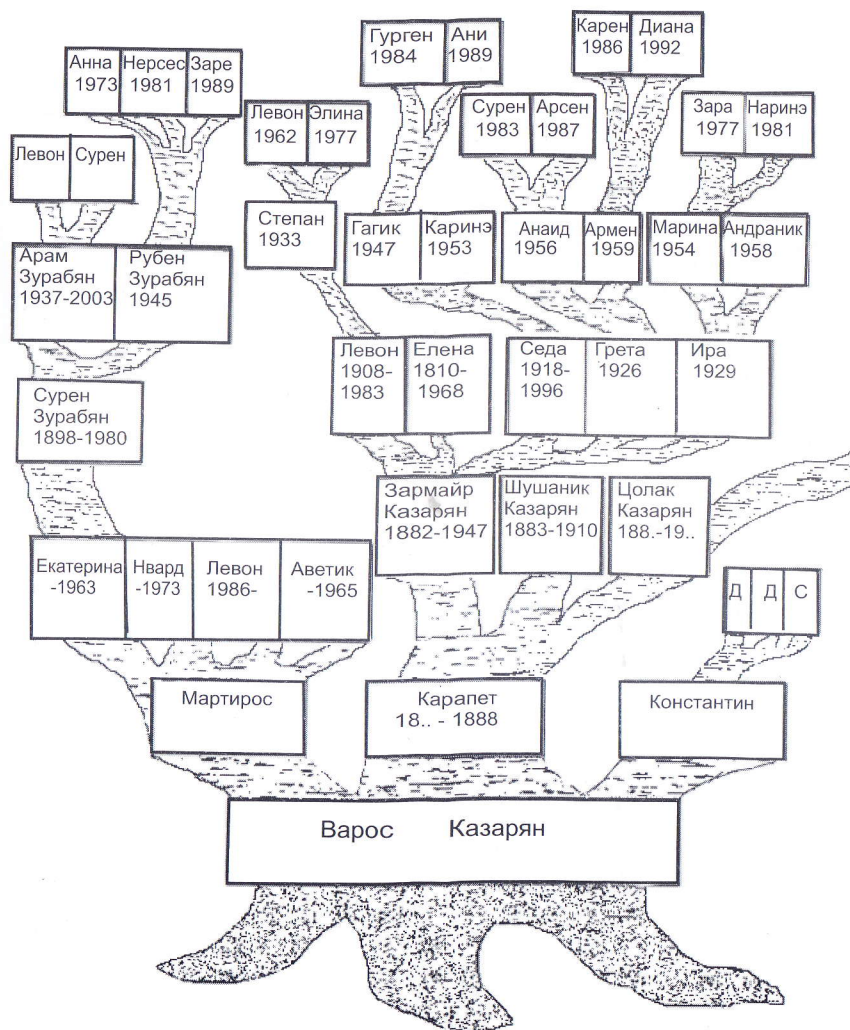

ФОТО 1

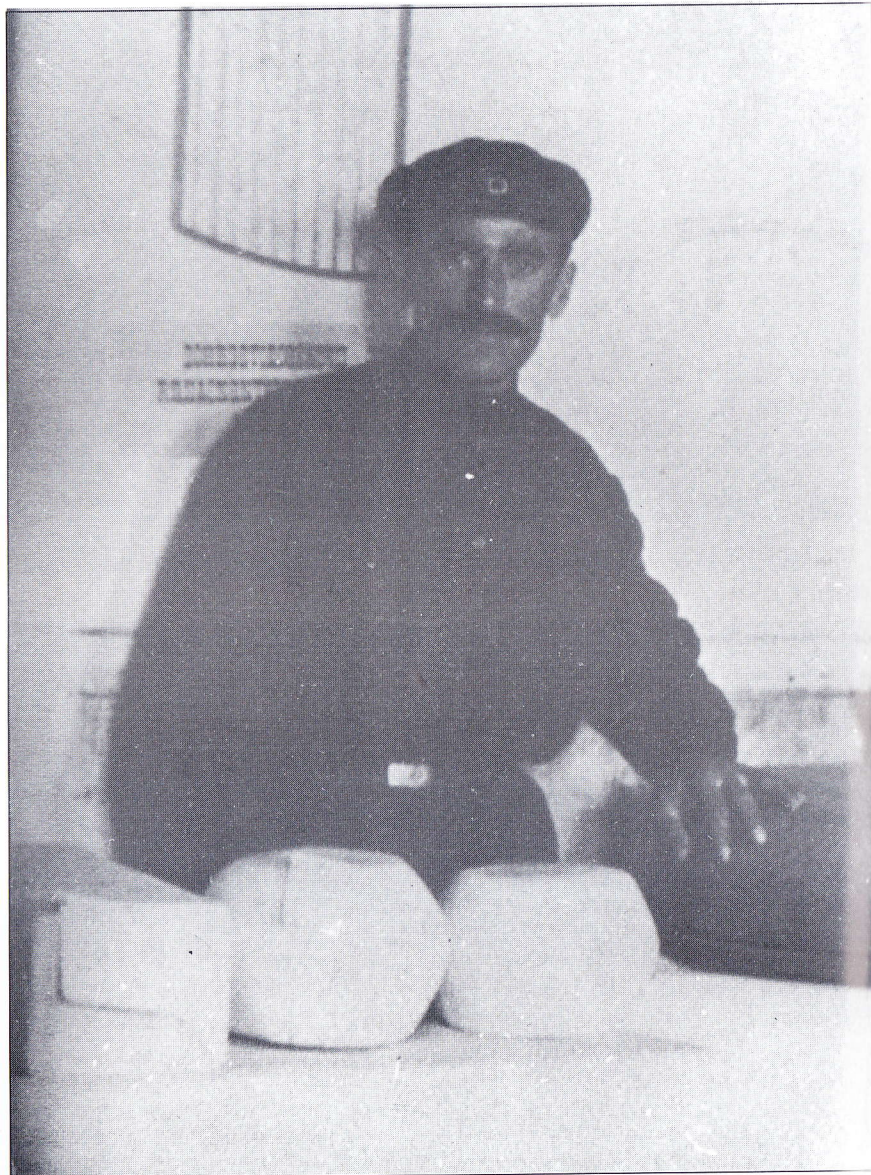

ФОТО 2

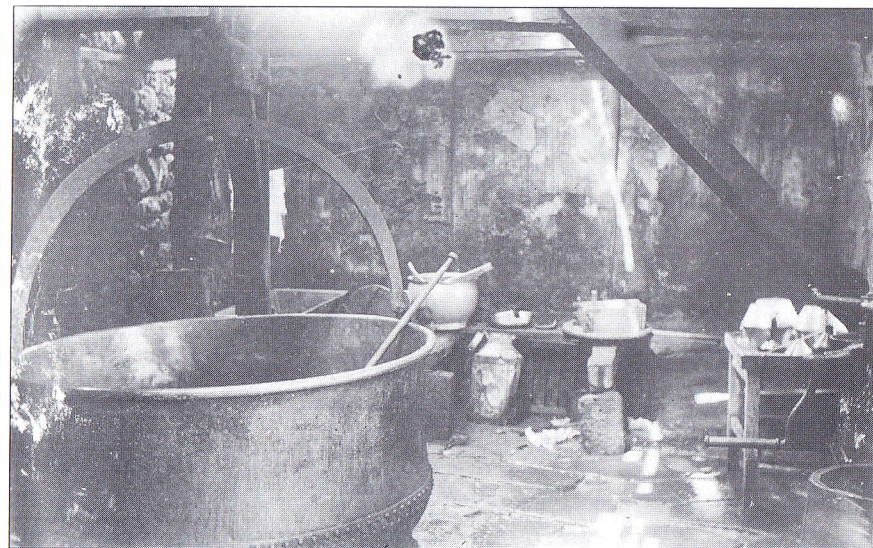
ФОТО 4

ФОТО 3

ΦOTO 5

ΦOTO 6

20. 1944
 21. 1944
 22. 1944
 23. 1944
 24. 1944
 25. 1944
 26. 1944
 27. 1944
 28. 1944
 29. 1944
 30. 1944
 31. 1944
 32. 1944
 33. 1944
 34. 1944
 35. 1944
 36. 1944
 37. 1944
 38. 1944
 39. 1944
 40. 1944
 41. 1944
 42. 1944
 43. 1944
 44. 1944
 45. 1944
 46. 1944
 47. 1944
 48. 1944
 49. 1944
 50. 1944
 51. 1944
 52. 1944
 53. 1944
 54. 1944
 55. 1944
 56. 1944
 57. 1944
 58. 1944
 59. 1944
 60. 1944
 61. 1944
 62. 1944
 63. 1944
 64. 1944
 65. 1944
 66. 1944
 67. 1944
 68. 1944
 69. 1944
 70. 1944
 71. 1944
 72. 1944
 73. 1944
 74. 1944
 75. 1944
 76. 1944
 77. 1944
 78. 1944
 79. 1944
 80. 1944
 81. 1944
 82. 1944
 83. 1944
 84. 1944
 85. 1944
 86. 1944
 87. 1944
 88. 1944
 89. 1944
 90. 1944
 91. 1944
 92. 1944
 93. 1944
 94. 1944
 95. 1944
 96. 1944
 97. 1944
 98. 1944
 99. 1944
 100. 1944

ΦOTO 7

ФОТО 8

ФОТО 9

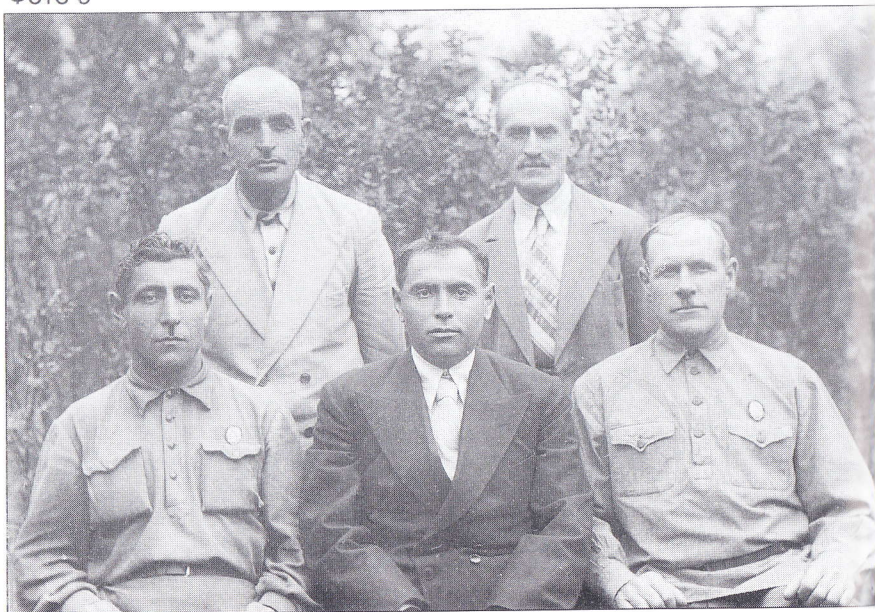

ФОТО 10

ΦΟΤΟ 11

ΦΟΤΟ 12

ΦΟΤΟ 13

ΦΟΤΟ 14

Cabinet
PORTRAIT

Фото 18

Cabinet
PORTRAIT

Фото 19

Cabinet
PORTRAIT

Фото 20

CABINET PORTRAIT

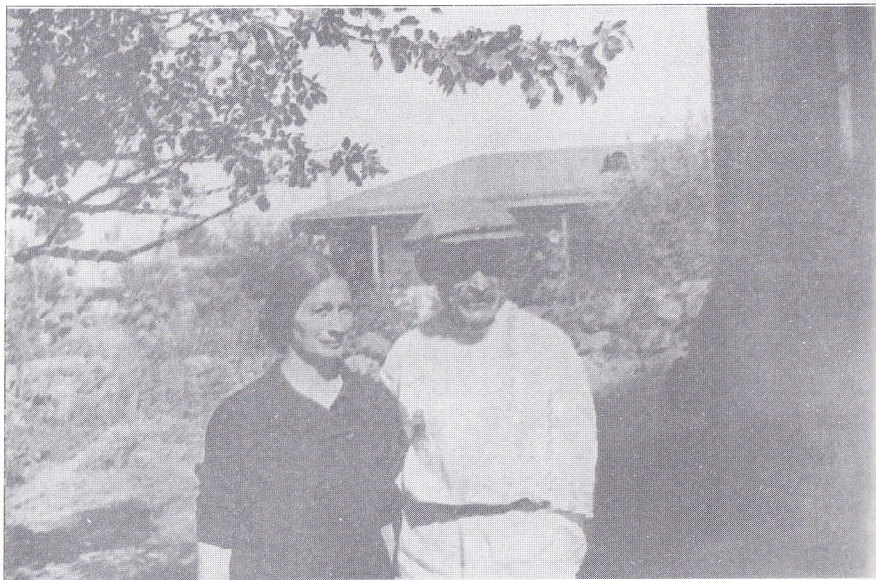
Фото 21

Фото 22

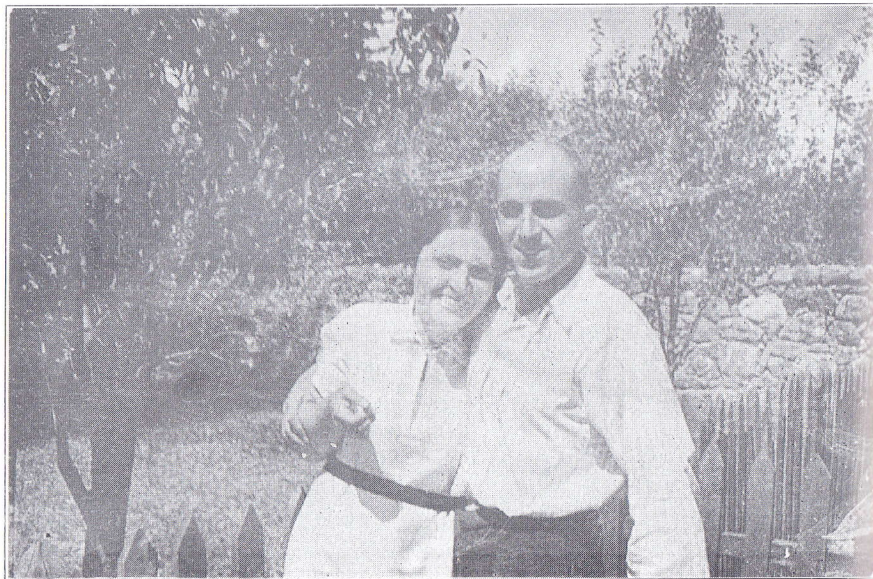
Фото 23

ΦΟΤΟ 24

ΦΟΤΟ 26

ΦΟΤΟ 25

ΦΟΤΟ 27

ФОТО 28

ФОТО 29

ФОТО 30

ФОТО 31

Фото 32

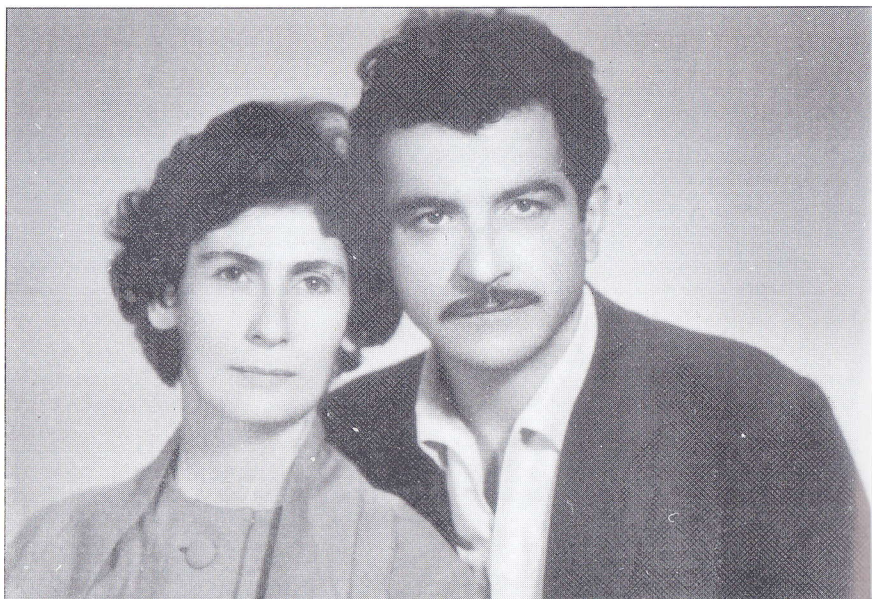

Фото 33

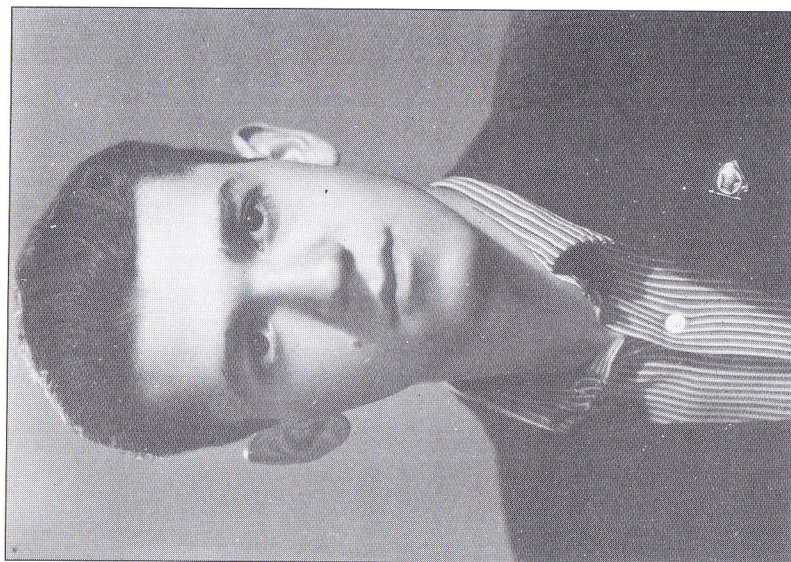

Фото 35

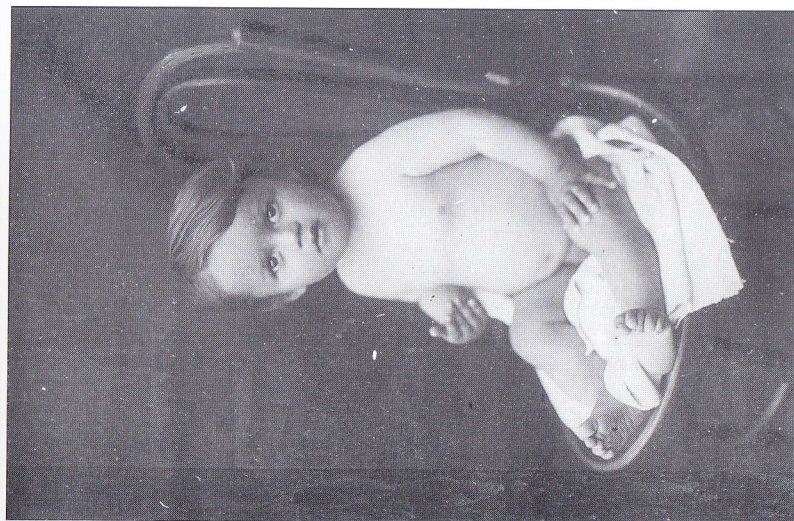

Фото 34

ФОТО 37

ФОТО 38

ФОТО 36

Фото 39

Фото 40

Фото 41

Фото 46

Фото 48

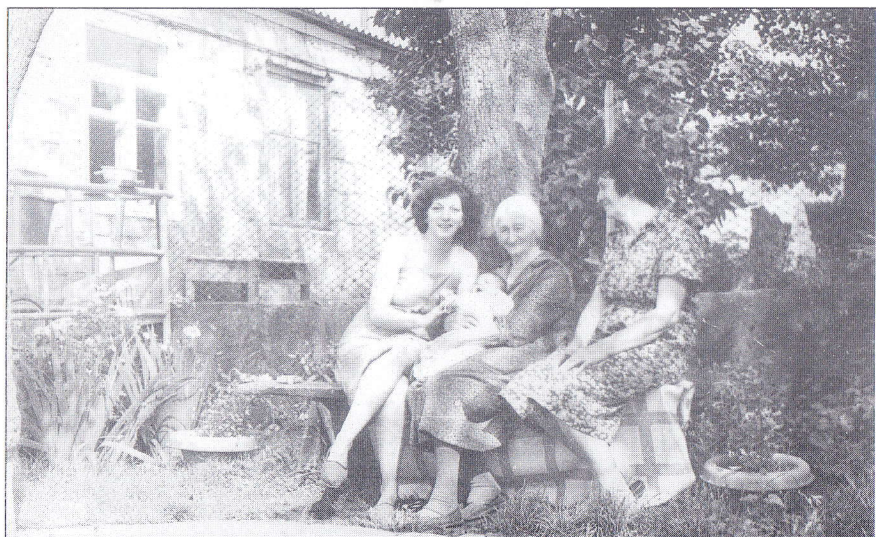

Фото 47

Фото 49